А. В. Лебедев

(Институт философии РАН, Москва)

ИНДОАРИЙСКИЕ ИМЕНА В САГЕ ОБ АРГОНАВТАХ, ОНОМАСТИКЕ КОЛХИДЫ И НАДПИСЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Содержание:

I. Введение в проблему. План исследования.

II. Индоарийские имена в саге об аргонавтах: личные имена героев.

III. Индоарийские имена в топонимике легенды и ее географического ареала.

IV. Индоарийские имена трех колхов царского рода (Савлак, Сувармахий, Набарнугий), скифского вождя Савмака и владельца перстня из Вани Дедатоса.

V. Индоарийские личные имена в надписях Северного Причерноморья (Ольваия и Боспор).

VI. Этноязыковая принадлежность древних колхов.

Ключевые слова: Аргонавты, Миф о золотом руне, Колхида, греческая мифология, история Грузии, истории Армении, история металлов и металлургии, Восточное Причерноморье в древности, индоарийцы, греческая эпиграфика Северного Причерноморья.

A. V. Lebedev

(RAS Institute of Philosophy)

Indo-Aryan names in the saga of Argonauts, onomastics of Colchis and Greek inscriptions of the Northern Black Sea region.

A number of personal names in the saga of the Argonauts, primarily names of the Colchians, can be explained on the basis of Indo-Aryan etymologies: Ἀψύρτης ('Arising from waters', skr. *apsú*, Loc. plur. from *áp-* 'water' and participle *r̥ta-* from the verb *r̥noti* (cf. Lat. *ortus*, Greek ὄρνυμι) i.e. 'Born in' or 'Rising from waters', cf. *Apam Napat* and the second name of *Apsyrtes* Φαέθων 'The shining one'. Κυτίσσωρος ('Lord of the fortress', Skr. *kuṭi-* 'fortress' and *īśvara-* 'lord'), Ἰοφῶσσα ('Brazen-faced', Skr. *áyas-* 'metal' and *ābhāsa-* 'looking like', Greek Χαλκίοπη is a calque of the Indo-Aryan name. Ariasmenus (a friend and ally of Ayetes, cf. *Aryaman-* 'close friend'). Indo-Aryan origin can also be attributed to a number of toponyms, names of mountains and river names, attested either in the legend of the Argonauts itself, or in its geographical area in later sources: Αἶα (Skr. *áyas-* 'metal', compare the connection between Κύπρος and cuprum 'copper'), Κόλχοι (Skr. *kūla-* 'relatives, genus'), Φᾶσις

(‘Gleaming river’, cf. skr. *bhās-* ‘to shine’), Ἀμαραντὰ ὄρη (‘Peak of the immortals’, skr. *amāra-* ‘immortal, god’ from *a* + *mara* ‘death’; *ánta-* ‘end, extreme limit’, *Amarakaṇṭaka* is the name of the Vindhya mountains); Ἀψαρος (*apsarás-* f. Pl. ‘Apsaras’, water nymphs, from *ap-* f. ‘water’ and *sar-* ‘run, flow’), Κύττα, Κύτταια (skr. *kuṭa-* ‘fortress, city’), Παρυάδρης (*parvata-* ‘rocky’ + *adri-* ‘mountain’, i.e. ‘Rocky mountain’), Σαράπανα (*sar-* ‘to run’ + *ap-* ‘water’), Σούριον (cf. skr. *surya-* (-*iya-*), ‘the sun, the Sun God’), Vani (Skr. *vāna-* ‘forest, grove’, semantically cf. Greek ἄλλος ‘sacred grove, sanctuary’).

The Indo-Aryan hypothesis finds additional confirmation in the historical personal names of ethnic Colchians, attested in the written sources from the 2nd century BC to the 5th century AD: Σαυλάκης (compare AI *saurya-* / *sūrya-* ‘the sun’ with archaic I.-E. *-l-, and suffix -*aka-*), Σάυμακος (skr. *soma-* ‘sacred drink, god Soma’ + suffix -*ka-*), Σουβαρμάχιος (‘He who reveres the Sun’, skr. *svar-* / *suvar-* ‘the sun and *mahāyati* ‘to revere’), Nabarnugios ‘He who follows the duty of the heaven’, Skr. *nabhas* ‘heaven’ + *ṛṇá-* ‘duty’ + *ga* 2 MW.?), Δεδάτος (‘Gift of God’, shortened skr. name *Devadatta*). We are talking about the aristocracy and persons of the royal blood who treasured their genealogy, ancient family traditions and names handed down from generation to generation, therefore, the random or ‘wandering’ nature of these personal names should be excluded. Finally, the fourth complex is the names of magistrates with Colchian ethnic roots mentioned in the Greek inscriptions of Olbia and the Bosphorus in the first centuries AD.: Μάζις Χόλκο, Ῥαόδημος Κόλχου, Ἀργουάναγος Καράξτου (cf. skr. *Arjunaka* ‘He who worships Arjuna’), Ραμανάγος (‘He who worships Rama’, cf. names like *Ramanuja*), Σίανος / Σιαύακος (‘He who reveres Śiva’), Σώμαχος (cf. AI Soma-, ‘He who reveres Soma’). These magistrates were descendants of those immigrants from Armenia Minor who are mentioned in the decree of the governor of Amisos in the times of the Diophantus wars (Ἀρμενίων IOSPE I², 35, 7–8); these *hippotoxotai* were resettled by Mithridates from Cappadocia to Olbia, lived in a garrison near Olbia (ἐν ἡμετέροις τόποις) and later were granted for their service Olbian citizenship. Their place of origin is established by the ethnicon Ζαρεῖος that points to the city of Zara on the banks of river Halys/Kizilirmak in the Sivas province of Turkey. It is remarkable that two of the ‘royal’ Colchians (Suvarmachius and Bacurius) were commanders of the imperial guard consisting also of equestrian archers. These four complexes of onomastic data combined prove that the Colchian language was an Indo-European language, an Indo-Aryan dialect of the South-Eastern Black Sea region. This fact fits well into the linguistic map of the Circumpontic region of the XIV–XIII centuries BC as a ‘connecting link’ between the ‘Sindian’ Indo-Aryan language in the Northern Black Sea region, reconstructed in the works of O.N. Trubachev, on the one hand, and the Indo-Aryan language of the ruling elite in the state of Mitanni in the South, on the other. Since no Greek poets and myth-makers could invent these specifically Indo-Aryan names, this

proves that the saga of the Argonauts has a historical basis, on which was later superimposed by poets a plot of a fairy tale and an adventure novel with a love intrigue. Such a historical basis could have been an expedition of the Mycenaean Greeks in the 13th century BC. (in accord with traditional Greek chronology) to the region of southeastern Anatolia. The goal of this expedition may have been piracy or rather trade in metals and bronze products (including weapons), but also the acquisition of new technologies in metallurgy. Starting with the era of colonization in the 8th century, the saga of the Argonauts could acquire a new meaning and turn into a geopolitical charter-myth. By geopolitical charter-myth we mean a myth or legend that somehow justifies the right to own a land or to use a certain area for commercial purposes (for example, in colonization or trade), which acquired particular importance for Miletus in the era of the founding new colonies and establishing emporia. In a rival Corinthian version by Eumelus Ayetes becomes a Corinthian who emigrates to Colchis, an in apparently Athenian version Medea after Jason marries the king Aegeus.

As Anka Dan (2016) has shown, in the ancient times, several rivers in the South Caucasus (Araks, Kelkit and Chorokhi) and one river on the Taman Peninsula, the Kuban, were named Φῶσις. Only in the Roman era, partly for geopolitical purposes of the Roman Empire, it was eclipsed by the Rioni River in Western Georgia. We argue that in the Classical and Hellenistic eras, in parallel with the standard version (Phasis = Rioni), there was still in circulation an older version, in which the 'Phasis' referred to the Chorokh river, and 'Colchis' denoted a wider area stretching westward to Trebizond and further along the Pontic Mountains (Paryadres). This version, in which Phasis "flows from the mountains of Armenia" (that is, from the Pontic Mountains), was known to Xenophon and Eratosthenes. The conclusions we come to on the basis of a philological study of the evidence of Eratosthenes and Xenophon, are independently confirmed in the studies of Georgian archaeologists excavating the Gonio-Apsaros area. According to Mamuladze, Khalvashi and Kakhidze (2005), it was the Gonio-Apsaros region that in the Bronze Age was the original center of Colchian culture, which subsequently moved eastward to the Rioni region. Further confirmation is provided by archeometallurgical study (analysis of the slags) of the Oxford laboratory of Erb-Satullo, Gilmour and Khakhutai-shvili (2014) which demonstrates that the Chorokh estuary and upstream areas abounded in furnaces for smelting bronze using advanced technology: see the map in Erb-Satullo 2014: 148, fig.1, where "Chorokhi production area" is highlighted.

Keywords: Argonauts, Myth of the Golden Fleece, Colchis, Greek mythology, history of Georgia, history of Armenia, history of metals and metallurgy, Eastern Black Sea region in antiquity, Indo-Aryans, Greek epigraphy of the Northern Black Sea region, Kingdom of Bosporus, Olbia Pontic, Scythians, Uprising of Saumacus, Mithridates VI-th, Greeks and Barbarians.

1. Введение в проблему. План и основные идеи исследования

Ряд личных имен колхов в легенде об Аргонавтах может быть объяснен на основе индоарийских этимологий: Αἰήτης, Ἀψύρτης, Κυτίσσωρος, Ἰοφῶσσα, Ariasmenus. На индоарийское происхождение указывает также целый ряд топонимов, названий гор и гидронимов, засвидетельствованных либо в самой легенде об аргонавтах, либо в ее географическом ареале в позднейших источниках: Αἶα, Κόλχοι, Φᾶσις, Ἀμαραντὰ ὄρη, Ἄψαρος, Κίρκαϊον πεδῖον, Κύτα, Κύταια, Παρυάδρης, Πόλαι, Σαράπανα, Σούριον, Vani.

Дополнительное подтверждение индоарийская гипотеза находит в исторических личных именах этнических колхов, засвидетельствованных в источниках II в. до н. э. — V в. н. э. Σαυλάκης, Σαύμακος, Σουβαρμάχιος, Nabarnugios. Речь идет об аристократии и лицах царского рода, которые дорожили своей генеалогией, древними семейными традициями и передающимися из поколения в поколение именами, поэтому случайный или ‘странствующий’ характер их личных имен следует исключить. В совокупности эти два комплекса ономастических данных доказывают, что колхский язык был индоевропейским, а именно индоарийским диалектом Северо-восточной Анатолии и Колхиды. Этот факт хорошо укладывается в лингвистическую карту циркумпонтийского региона XIV–XIII в. до н. э. как «связующее звено» между «синдским» индоарийским в Северном Причерноморье, реконструированным в работах О. Н. Трубачева, с одной стороны, и индоарийским языком правящей элиты в государстве Митанни, с другой.

Индоарийскую теорию Трубачева среди прочих подверг критике С. Р. Тохтасьев (2017). Критика Тохтасьева в ряде случаев правильна, но это не означает, что ему удалось опровергнуть всю теорию Трубачева в целом. Тохтасьев отбирал наиболее слабые и гипотетичные этимологии Трубачева, что может создать у читателя ложное впечатление. Между тем, в словарной части *Indoarica* немало более надежных индоарийских этимологий, достойных автора ЭССЯ и превосходящих по убедительности прежние иранские. Объективно оценить теорию Трубачева можно было бы только взвесив соотношение этих двух групп этимологий. Приведу два примера. Объяснение *царского* имени Савлака (Σαυλάκης) как производного от индоарийского имени бога солнца (*Indoarica*, 272) убедительнее сближения с осетинским sawlaeg ‘черный человек’ («человек

низшего сословия» согласно словарю Абаева!). Недавно оно получило нумизматическое подтверждение: на новонайденной монете царя Савлавка с его именем на реверсе (Gavrilov, Shonov 2007), на аверсе изображен не «черный человек», а сияющий Гелиос! Другое имя — вождя боспорских скифов Савмака (Σαύμακος) — на основании индоарийской этимологии означает «Почитающий Сому» (**sauma-*, Indoarica, *ibid.*), а не «Утренний» на основании сближения с осетинским словом согласно Абаеву. Теофорное имя подходит царю намного лучше, чем имя с непонятной мотивировкой.

Поскольку никакие греческие поэты и мифотворцы не могли придумать специфически индоарийские имена, этим доказывается, что сага об аргонавтах имеет историческую основу, на которую впоследствии наложился сказочный сюжет и приключенческий роман с любовной интригой. Такой исторической основой могла быть экспедиция микенских греков в XIII в. до н. э. (в согласии с традиционной греческой хронологией) в регион восточной Анатолии, один из центров передовой металлургии, с пиратской или торговой целью, а также с целью освоения новых технологий, прежде всего в области производства высококачественной бронзы и бронзовых изделий, которыми славился этот регион в Бронзовом веке.

Отождествление реки Фасис в легенде об аргонавтах с Риони в Западной Грузии и «Колхиды» с треугольником, вершиной которого является Шорапани (греч. Сарапанис), а основанием береговая линия между Диоскуриадой (Сухуми) и Гонио (Батуми), стало стандартным только в Римское время, начиная со Страбона и Арриана. В классическую и эллинистическую эпоху существовала другая, очевидно, более ранняя версия, согласно которой река Фасис текла «с гор Армении». Важнейшими являются свидетельства Ксенофонта в «Анабасисе» и Эратосфена в утраченной «Географии». В недооцененном свидетельстве отца математической географии Эратосфена «Фасис» легенды об аргонавтах вероятнее всего отождествлялся с рекой Чорох (Акампис в нижнем течении, в римское время), текущей с Армянского нагорья и впадающей в Понт Эвский около Батуми (древний Апсарос). Таким образом, целью изначальной экспедиции микенских греков могла быть область Понтийских гор (Париандр) и район устья Чорох (Апсарос). Итоги Чороха находились не на Большом Кавказе, как у Риони, а в Малой Армении, в тех местах, где по свидетельству Ксенофонта жили колхи и где рядом находилась область халибов, изобретателей

стали. В эпоху позднего Бронзового века, в до-урартское время, эти области должны были принадлежать стране Хайяса (она же Ацци), известной по хеттским источникам. В урартское время здесь была страна Qulha, упоминаемая в надписях урартских царей. Работы А. Петросяна об индоарийских элементах в ономастике Ацци-Хайясы хорошо согласуются с нашей гипотезой (Petrosyan 2018).

Как показала Анка Дан в работе «Rivers called Phasis» (2016), именем Φᾱσις в античную эпоху называлось несколько рек на Южном Кавказе (Аракс, Келькит и Чорохи) и одна река на Таманском полуострове — Кубань; все только в римскую эпоху в силу геополитических причин затмила река Риони в Западной Грузии, которая в более ранней традиции нигде прямо не отождествляется с мифическим Фасисом. Проблеме отождествления Фасиса с различными реками в разные эпохи посвящена также работа Джошкуна (Coskun 2019). По нашему мнению, Фасисом стали называть Риони все-таки довольно рано, возможно со времени основания милетского города в VI в. до н. э. с таким же названием, и в течение классического и эллинистического времени обе версии существовали параллельно, иногда смешиваясь в источниках: тексты, в которых описывается скорее Риони, чем Чорох, и при этом говорится, что «Фасис течет с гор Армении», объясняются контаминацией более поздней версии из более ранней (подробнее см. ниже в разделе III, под словом ΑΜΑΡΑΝΤΑ).

Выводы, к которым мы приходим на основании филологического исследования свидетельств Эратосфена и Ксенофонта, находят независимое подтверждение в исследованиях грузинских археологов, ведущих раскопки в Гонио-Апсарос в районе Батуми. Эти выводы основаны на археологических данных без привлечения свидетельств Эратосфена и Ксенофонта (Mamuladze, Khalvashi, Kakhidze 2005). Согласно Ш. Мамуладзе, М. Халваши и Е. Кахидзе, именно район Гонио-Апсарос был древнейшим центром колхидской культуры во время позднего Бронзового века, который впоследствии переместился на восток в область Риони. Дополнительным подтверждением служат основанные на современных технологиях археометаллургические исследования. Анализ шлаков оксфордской лаборатории (Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014), показывает, что район устья Чороха и выше по течению изобиловал печами для выплавки бронзы с использованием продвинутой технологии: см. карту (Erb-Satullo et al. 2014: 148, fig.1), на которой выделена

“Chorokhi production area”. С этим согласуются и результаты археометаллургических исследований Лаборатории естественно-научных методов в археологии при Институте археологии РАН. По словам руководителя лаборатории Е. Н. Черных, во II тыс. до н. э. «формируется Кавказская металлургическая провинция — очень небольшая по площади (около 0,5 млн. км²), но с чрезвычайно развитой технологией горно-металлургического производства и с блистательными формами разнообразных изделий и технологий металлообработки кобано-колхидского облика» (Chernyh 2015: 74; см. также Chernyh 2009: 294 сл.).

Говоря о целях и характере исторического путешествия микенских «аргонавтов», надо рассматривать два основных возможных сценария, или их комбинацию: 1) военный набег, пиратство или 2) морская торговля. Геродот полагал, что раз аргонавты плавали на «длинном корабле» (μακρῆι νηϊ Her.1,2), экспедиция носила военный характер. В этом случае поход можно было бы рассматривать в контексте набегов «народов моря»: см. работы Дж. Эмануэля о «критской лжи» в рассказах Одиссея, содержащей воспоминания об этих набегах (Emanuel 2012; 2017). Название корабля ‘Быстрый’ (Ἀργώ) может содержать эхо-воспоминание о революционной инновации в военно-морском деле, изобретении в Позднем Бронзовом веке (LN IIIB-C) новой парусной оснастки и «рыхлого грота» (“brailed rig and loose-footed sail”, Emanuel 2014), позволивших увеличить скорость корабля. Типологическое сравнение с викингами (Svanidze 2014: 92) показывает, что пиратство и торговля вполне могли сочетаться. Поскольку организаторами и «спонсорами» экспедиции предание считает Миниев, которые вероятно были богатым торговым кланом, связь с морской торговлей, не в последнюю очередь с торговлей металлами и оружием кажется также вероятной. О связи мифа о золотом руне и легенды об аргонавтах с металлами и новыми металлургическими технологиями говорили многие исследователи, см., например, Dumas 1991; Leonardos 2010; Lordkipanidze 1996; возражения у Tsetskhladze 1995; но ср. новые данные группы Erb-Satullo et al. 2014, 2020. О международной торговле оружием в поздний Бронзовый век см. Morkot 2007.

В самой легенде четко прослеживается тема металлов. На это обратил внимание уже Страбон (11.18), связывая «золотое руно» с использованием бараньих шкур для промывания золота у сванов. Эта наивная рационализация, сводящая волшебный символ власти и богатства к техническому средству, вполне в

духе Гекатея Милетского, но интересно, что в легенде о царе Савлаке источником его богатств называется найденная им золотая жила в горах Сванетии. Дочь Айэта, которую он выдал за Фрикса, звали Халкиопа «Медноликая»; у быков, которых Ясон должен запрячь, бронзовые ноги и пасти, а сами они извергают из пасти пламя, подобно плавильным печам. У Аполлония Родосского (3, 229–32) в комплекте с медноногими быками Гефест смастерил также цельнометаллический плуг из стали (αὐτόγυον στιβαροῦ ἀδάμαντος ἄροτρον). О возможной этимологической связи топонимов Айя и Колхида с названием металла (меди) см. ниже.

Вероятно, не изначально, а с началом эпохи греческой колонизации в VIII в. до н. э. сага об аргонавтах могла приобрести новую функцию геополитического мифа-хартии. Мифом-хартией (charter-myth) обычно называют тип мифа, который санкционирует существование какого-то социального института или существующей власти: так было изначально, а потому так должно быть всегда. Мы называем ‘геополитическим мифом-хартией’ такой миф или сказание, которые дают право на владение землей или сферой влияния (например, в колонизации или торговле), что приобрело особую актуальность в эпоху основания новых колоний и эмпориев. Для милетцев, лидеров по освоению новых земель и основанию колоний в Черном море, таким мифом-хартией мог служить миф об аргонавтах, которые проложили им путь во время оно и «пометили» территорию, на которую они теперь претендуют. Разного рода «ясоновские памятники» (τὰ Ἰασόνια ὑπομνήματα), показывали в Восточной Анатолии, и на пути всего маршрута плавания Аргонавтов не только во времена Страбона, но вероятно, и намного раньше¹. Памятные места их путешествия включали, например, место, где убили и расчленили Апсирта (и в Гонио-Апсарос, и в Истрии!). Эти памятники напоминают «стелы Сесостриса» (о которых см. Ivanchik 1999; Ladynin 2012) в «археологических разысканиях» Геродота. Торговым соперничеством с Милетом объясняется возникновение Коринфской версии легенды, в ко-

¹ Strabo 11.4.8 Ясон с товарищем Арменом Фессалийцем, помимо Колхиды, посетили Иберию и Албанию, а также Армению и Мидию, «как об этом свидетельствуют ясоновские и многие другие памятники», ὥς μαρτυρεῖ τὰ τε Ἰασόνια καὶ ἄλλα ὑπομνήματα πλείω. 11.13.10 τοῦ μὲν Ἰάσονος ὑπομνήματα εἶναι τὰ Ἰασόνια ἥρωια τιμώμενα σφόδρα ὑπὸ τῶν βαρβάρων... ὁμολογεῖ δὲ τούτοις καὶ τὰ κατὰ τὴν Ἀρμενίαν Ἰασόνια κτλ.

торой Айэт — первый царь Коринфа, переселяющийся в Колхиду (Eumel., *Corinth.*, fr. 3 Bern.). Главным соперником Коринфа всегда были Афины, откуда происходит версия о приключениях Медеи в Афинах и ее связи с Эгеем. Классическим геополитическим мифом-хартией было ‘возвращение’ потомков Геракла в Пелопоннес. Следы использования саги об аргонавтах в этиологической легенде о происхождении названия Пантикапей, сохранились в рассказе Стефана Византийского, о котором см. ниже секцию IV, 2. Возможно, на Боспоре существовала династическая легенда, которая возводила происхождение местной царской власти к «сыну Айэта», «взявшему» землю Пантикапея у скифского царя Агаэта: этим обосновывалась законность и верховенство греческих правителей над местными скифскими. Конечно, «сын Айэта», формально не был греком, но его внуки, дети Халкиопы от Фрикса уже были ими (дети Медеи от Ясона, как мы знаем, оказались невезучими).

II. Индоарийские имена в саге об аргонавтах: личные имена героев

ΑΙΝΤΗΣ и ΑΙΑ

Когда мы имеем дело с парой этноним (эллины) и персонифицированный эпоним этого этноса (Эллин), то второй всегда является производным от первого. Так работает мифопоэтический антропоморфизм. То же самое обычно верно для топонима, гидронима и его персонифицированной репрезентации: нимфа Эгина вторична по отношению к названию острова, а имя царя Эгея вторично по отношению к названию Эгейского моря, хотя миф утверждает обратное. Гелла в языковой действительности не утонула в Геллеспонте, а наоборот, возникла из его имени благодаря поэтической фантазии этиологического мифа. Следуя этой логике, Айэта надо считать производным от страны Айи. Но отметим, что между двумя именами общий только один дифтонг αι. Кроме того, этнонима ‘айайцы’ не существует: в стране Айя живут колхи. Вопреки Rayfield 2013: 14, полагающему, что название Колхиды происходит от древнего названия югозападной провинции Грузии Кола с урартским суффиксом *-hi* ‘люди’, Κολχίς, Κολχίδος — морфологически чисто греческое образование, по существу прилагательное к подразумеваемому γῆ, то есть ‘Колхская земля’. Айя — это страна, населенная колхами, поэтому нет никакого противоречия в том, что она называется ‘землей колхов’. Маловероятно, что название страны Айя было «реконструировано» из имени мифического

царя Айэта, как это допускает Rayfield, *ibid.* (“back-formation”), но нельзя полностью исключить, что два имени имели первоначально разное происхождение, но были сближены по народной этимологии. Поэтому будем считать вероятным происхождение имени царя от названия страны, не исключая при этом полностью независимого происхождения имени Айэта.

Широко распространено мнение, что первоначально мифическая страна Айя в эпоху греческой колонизации и проникновения греков в Черное море была отождествлена с реальной страной Колхидой к западу от реки Чорох, известной из урартских источников VIII в. до н. э. как Qulha (Ivanchik 2005: 61–62). В этом мнении верно то, что в более раннюю эпоху Колхида в греческом представлении находилась западнее ее стандартной восточной локализации в Римское время. Но мы будем исходить из того, что название Айя изначально относилось к той же самой реальной стране западнее Гонио (Апсарос), только оно восходит к позднему Бронзовому веку и, по мнению ряда исследователей (Петросян, Мартиросян) отражено в хеттском *Hayasa* (aka *Azzi*) и этническом самоназвании армян *hay* (Петросян 2014: 100–116 с историей вопроса). Сомнения в последнем отождествлении высказывает Kitazumi 2013.

В настоящее время существует консенсус историков и археологов относительно того, что металлургия железа раньше всего возникла в Анатолии и циркупонтийском регионе, и что греки узнали железо из Анатолии и Кавказа. С этим согласуются и греческие представления о халибах как изобретателях стали. Однако новейшие археологические исследования, основанные на анализе шлаков и радиоуглеродном методе датировки, показывают, что выплавка железа в Юго-Восточном Причерноморье началась не раньше классической эпохи (V в. до н. э.), см. Erb-Satullo 2020. Поэтому микенских аргонавтов могли привлечь в этом регионе главным образом бронза и высококачественные бронзовые изделия, включая принадлежности для боевых колесниц и тараны для военных кораблей, которые как раз входили в моду в XIII в. Металлы нередко назывались по стране, где они преимущественно добывались или откуда импортировались: название меди лат. *cuprum*, нем. *Kupfer* и т. д. происходит от названия о-ва Кипр (Κύπρος); *Κασσιτερίδες* ‘Оловянные острова’ (независимо от их конкретной локализации) и т. д. По этой модели греч. название меди *χαλκός* связывали со страной металлургов Халибов (Χάλυβες, *χάλυψ* ‘сталь’) и Калдов/Халдов в Понтийских горах, а также с балто-славянским назва-

нием железа,² которое в свою очередь сравнивали с греч. Κόλχις, Κόλχοι³. Аналогичным образом, в рамках индоарийской гипотезы греч. Αἶα можно связать с названием железа в некоторых и.-е. языках (лат. *aes*, гот. *aiz* etc.) и прежде всего с индоарийским *áyas*- п. ‘металл, железо’ (Mayrhofer EWA, I: 104), ‘основной металл в противоположность благородному’ (*híraṇya*- ‘золото’), а точнее считать заимствованием из понтийского индоарийского диалекта эпохи поздней бронзы — раннего железа.

Разумеется, для самих колхов название их страны не ассоциировалось с металлом, так же, как киприоты не думали, что их остров называется «Медным». Возможно, его аутентичная семантика сохранилась в скр. *āyātana*- п. — слово, означающее место пребывания, родной дом (‘resting-place, seat, place, home, house, abode’ MW), а также имеющее сакральные ассоциации (‘place of the sacred fire, altar, sanctuary’).

Это предположение не противоречит возможности отражения аутентичного названия страны колхов в хетт. *hayasa* и в армянском этнониме *hay*.

В случае, если имя Айэта (Αἰήτηρ) имеет независимое от Αἶα происхождение, его можно сравнить с скр. *áyata*- ‘unrestrained, uncontrolled’ (MW 84), ‘неистовый’ или с *āyāta*- ‘abundance, superabundance’ (MW 148), т. е. ‘Богатый’ (*ayās*-, *ayāsyā*- ‘неутомимый, неустоящий’ — эпитет Индры, Агни, Марутов в Ригведе — EWA, I, 104).

ΑΨΥΡΤΟΣ

Апсирт — младший брат Медеи, которого она расчленила и разбросала части его тела в море за бортом, чтобы уйти от погони Айэта. Апсирт в легенде — это тот, которого расчлениют как жертву и которого затем возрождают, собирая целое из частей. Расчленение человеческих тел — специальность кол-

² Chantraine DELG 1244–45, Frisk GEW 1070 и Beeks EDG 1612 единогласно принимают связь с пурпурной краской (κόλχη) и допускают происхождение балт. и слав. слов «из одного общего восточного источника». Однако хетт. *hapalki*- указывает на анатолийское происхождение греческого слова и тем самым говорит против связи с пурпуром и «цветовой» этимологии. Правильно Ivanov 1983: 42, 100; Gamkrelidze, Ivanov 1995: 615. Н. Казанский сравнивает *hapalki* с микенским *pa-ra-ku*, из которого микенцы делали спираль. Об этом см. также Witczak 2000.

³ Ivanov 2008: 306 и прим.76; Blažek 2008: 392 dubitanter.

довского искусства Медеи. Оно может быть спасительным средством омоложения, как в случае с отцом Ясона Айсоном, и может быть смертоносным, как в случае с Пелием и Апсиртом. Исходя из этого, мы предлагаем индоарийскую этимологию его имени, сравнивая скр. *apsú* Loc. plur. от *áp-* ‘вода’ и *rta-* — причастие прошедшего времени, ср. индоир. AR²- (EWA I: 104) ‘двигать, воздвигать, возникать’ при родственных греч. ὄρνυμι, лат. *orior*, *ortus sum*, хетт. *arieh-*, *arta* ‘hat sich eingestellt’ etc., то есть ‘возникший в водах’ или ‘рожденный из вод’. Засвидетельствован санскритский эпитет *apsuja-* (RV 8, 43, 48) с тем же значением⁴. Такое имя первоначально могло быть эпитетом ведийского божества *Aram napat* (= ‘*Aquarum nepos*’). Апам Напат ассоциируется или отождествляется с Агни и солнечным богом Савитаром. Апсирт — буквально ‘внук’

⁴ Отвечая на высказанное нам возражение, а именно, что употребление дательного/местного падежа в первом компоненте двусоставного слова не является типичным для и.-е. личных имен и санскрита или греческого, мы укажем на следующие факты, которые делают нашу реконструкцию возможной.

Прежде всего, в санскрите такие композиты есть, причем именно с локативом *apsu-* (англ. перевод MW): *apsuja* ‘born in the waters’, *apsucara* ‘going in the waters’, *apsujit* ‘vanquishing among the waters’, *apsumat* ‘possessed of or shining in the waters’, *apsusad* ‘dwelling in the waters’, etc. Подобных эпитетов много в греческом: Plut. *Qu. Conv.* 685F τὴν Ἀφροδίτην ἀλιγενῆ τοὺς ποιητὰς προσαγορεύειν. Suda, Alpha 1214 ἀλιγενής· ὁ ἐν θαλάσσει γεννηθείς. Композиты с первым компонентом в виде дательного падежа от слова ‘море’, причем часто с локативной семантикой, не редкость в греческой поэзии: ἀλίβαπτος ‘окрашенный морем’, ἀλίβρεκτος ‘омытый морем’, ἀλίβρωτος ‘проглоченный морем’, ἀλιδινής ‘затрепанный морем’, ἀλίδρομος ‘бегущий по морю’, ἀλιερκής ‘огражденный морем’ (об Эгине), ἀλίκλυστος ‘избитый морским прибоем’, ἀλιεργής ‘работающий в море’ (о рыбаках), ἀλιναιέτης ‘обитающий в море’ (о дельфинах), ἀλινήκτηρα ‘плавающая в море’, ἀλίπλαγκτος ‘блуждающий по морю’, ἀλίπλοος ‘мореплаватель’ и т. п., список можно продолжать. Несмотря на то, что гомеровское αἰθέρι ναίων еще не подверглось формальной универбации, это словосочетание функционирует в тексте и воспринимается как единый эпитет в ряду других эпитетов: Hom., *Il.* 2.412 Ζεῦ κύδιστε μέγιστε κελαϊνεφές αἰθέρι ναίων. Такой датив встречается также в теофорном имени в кипрских силлабических надписях: Diweit^hemis (Idalion) и di-we-i-pi-lo-se = Diweiphilos (Kourion) ‘Любезный Зевсу’: см. Egetmeyer 2010: 316, § 360. Этой параллелью я обязан Н. Казанскому (per litteras).

Солнца-Гелиоса, скрывшийся в воде, и затем ‘поднимающийся из вод’ стараниями его отца, сына Солнца Айэта.

У Аполлония Родосского Апсирт дважды назван Фаэтоном (3, 245 и 1236): так называли его колхи, подобно тому, как у Гомера троянцы называли сына Гектора Скамандрия Астианактом. О том, что Апсирта звали Фаэтон, говорит также автор локальной истории Скифии Тимонакс: Schol. Apol. Rhod. 3.1236 = Timonax 842 F 3 Φαέθων δὲ ὁ Ἀψυρτος ἐκαλεῖτο, ὥς φησι Τιμόναξ ἐν β' Σκυθικῶν. Имя сына Гелиоса Φαέθων однозначно ассоциировалось с Φαῖνων, ‘сияющий’, а это отличительная характеристика и эпитет Апам-Напата, например, в гимне Риг-веды 2. 35.

В своей реконструкции протоиндоевропейского мифа об огненном божестве, скрытом в воде, Мартин Вест, среди прочих предполагаемых рефлексов в греческой традиции, обращает внимание на гомеровский стих «Одиссеи» 4, 404, где тюлени Протея названы ‘внуками прекрасной Мореводы’ (νέποδες καλῆς Ἀλοσύδνης), и на основании этого стиха предлагает восстановление поэтической формулы, соответствующей имени Апам-Напата: *Nepōs Hydṇās ‘Внук Водяны’ (West 2007: 271). Другими рефлексами являются рождение армянского героя Вахагна (сравнивал уже Уоткинс) и норвежский кеннинг для огня ‘внук/потомок моря’ (*sáevan niþr*) в Ynglingatal 4.3 (West ibid. 271–72).

ΚΥΤΙΣΣΩΡΟΣ

У Фрикса в Айе-Колхиде и его жены Халкиопы/Иофоссы, дочери Айэта, согласно стандартной версии (мифографы и Аполлоний Роосский) было четверо сыновей: Ἄργος, Μέλας, Φρόντις, Κυτίσσωρος (только у Псевдо-Эпименида к ним добавлен Πρέσβων). Первые три из них придуманы греческими поэтами («Белый/Блестящий, Черный и Сметливый»), Черный — очевидно с намеком на темный цвет кожи колхов. Четвертое имя явно негреческое, встречается в двух вариантах: с одним σ (Аполлодор, Схолии к Аргонавтике Аполлония) и с геминатой -σσ-, засвидетельствованной у Геродота (7.197) и Аполлония (2.1155), которое заслуживает предпочтения как *lectio difficilior* и как более древнее («фрагмент» логографа Акусилая не является дословной цитатой). В рамках нашей основной гипотезы можно предложить следующую индоарийскую этимологию:

kuṭi- ‘house, hall’ (MW, s.v.; EWA I: 362, *kuṭa-* ‘fort, stronghold’ KEWA: 221) и *īśvara-* ‘повелитель, господин, бог’

‘vermoegend, Herr, Gebieter’ Mayrhofer *ib.*, s.v. IS-). Семантическая структура слова в таком случае аналогична греч. δεσ-πότης ‘lord of the house’, ср. также *kutumba* ‘Hausstand’ и *kutumbin-* ‘Hausherr, Familienvater’ (Mayrhofer, *ibid.*). Очевидное возражение против и.-е. этимологии — возможный дравидский источник слова, допускаемый Майрхофером. Но колхи оличались «черным» цветом кожи (Геродот, Гиппократ), поэтому не исключено, что они мигрировали в Колхиду уже из южных стран, а не из северной прародины ариев, признаваемой в теории Дьяконова, Кузьминой и других, с которой мы не спорим, так как она обоснована лучше ближневосточной. В противном случае, следует искать альтернативную этимологию первой части.

ΙΑΣΩΝ (?)

Cf. skr. *yáśas-* ‘уважаемый, славный, прекрасный’ Ansehen, Ruhm (EWA, II: 495) ‘beauty, splendour, glory, fame, favour’ (KEWA: 12). «Преславный и прекрасный» герой: что может лучше характеризовать Ясона? Майрхофер допускает родство санскритского слова со слав., рус. *ясный*. Трудность такого допущения в том, что индоарийские имена в легенде об аргонавтах имеют, как правило, колхи и местные топонимы, а не сами греки. Возможно, случайное сходство.

ΙΟΦΩΣΣΑ

Исследуя имена в легенде об аргонавтах, как и в любой другой традиции, где греческие имена соседствуют с варварскими, нельзя исключить, что в некоторых случаях мы можем иметь дело с лексическими ‘билингвами’. Конечными источниками такой информации служат не обязательно носители варварского языка, а просто более дотошные историки или просто любопытные греческие путешественники вроде Геродота. Геродот вряд ли бегло говорил по-скифски, но это не мешало ему время от времени ‘переводить’, причем правильно, скифское слово греческим эквивалентом. Если допустить, что Χαλκίονη — греческая калька колхского (индоарийского) имени, то можно предположительно реконструировать его как сложение *áyas-* ‘металл’ и *ābhāsa-* ‘блеск; вид; видимость’ ‘выглядящий как’. Источником имени скорее всего был эпос (первое упоминание в ‘Эоиях’ Гесиода), просодическая структура имени *Αιοφῶσσα делала его невозможным в гексаметре, поэтому долгое αι могло быть усечено до ι, под влиянием настоящих греческих имен Ἰοκάστη, Ἰόλαος, Ἰόλη, Ἰοφῶν etc. Варианты

имени жены Фрикса 'Иофосса' и 'Халкиопа' были строго альтернативны в поэзии, поэтому Аполлоний в 'Аргонавтике', выбравший Халкиопу, не упоминает Иофоссу. Менее вероятным было бы членение ИОФ + ΩΣΣΑ и сравнение второго элемента с скр. *ās-* 'лицо, облик' (EWA I: 181), лат. *os, oris*. Возможно, изначальная колхская форма имени жены Фрикса уже подверглась частичной эллинизации с привнесением семантики 'света' (φῶς) или металлического блеска (ср. PWRE, s. v. *Iorphossa*, col. 1901, 42 слл.). Единственная параллель к имени с окончанием на -φῶσσα в базе данных TLG — название источника в Беотии Τίλφῶσσα.

Особняком стоит единичное упоминание третьего имени жены Фрикса в схолиях к 'Аргонавтике' 2.1149: согласно Ферекиду, имя жены Фрикса — Εὐηνία 'послушная вожжам', а прозвища (παρώνυμα) Халкиопа и Иофосса. Это явная поэтическая выдумка, отражающая 'патриархальные стереотипы' или просто мечты греческих мужчин.

ΜΗΔΕΙΑ

Имя Μήδεια, как ни странно, исконно-греческое в морфологическом плане: формально, это женский род прилагательного Μήδειος, мидийский или мидянин, то есть 'Мидянка'. В поэтическом языке Μήδαιοι могло употребляться вместо стандартного для прозы Μῆδοι (Pindar, Pyth. I, 78; Ibycus, fr. 39 Κυάρας Μηδείων στρατηγός; Simonid., Epigr., 7, 301, 4; Callim., *Aetia*, fr. 110, 46). В самом раннем упоминании о возвращении Ясона в Иolk с дочерью Айета, названной просто «быстроглазой девой», у Гесиода (Theog. 1000), говорится, что она родила от него сына 'Мидянина' (Μήδειον τέκε παῖδα), эпонима-прародителя мидян. О связи Мидии-Медии с именем Медеи, вероятно, говорилось уже в Географии Гекатея Милетского (F 286 Jas.). Согласно схолиям к Феокриту, после бегства из Афин Медея, переодевшись в мужское платье, отправляется в «ту часть Азии, которая теперь называется по ее имени Медия» (Schol. Theocrit., Dos. 1/5). Диодор сохранил предание о войне Айэта с его братом Персом, который лишил его власти; согласно схолиям к Ликофрону, Медея тайком проникает в Колхиду, убивает Перса и возвращает царство отцу. О связи путешествия Ясона с Мидией, говорит такой серьезный источник, как Страбон (прим. 1 выше).

Независимо от достоверности деталей этого исторического романа, мы имеем перед собой довольно внушительную ран-

ную традицию (начиная с Гесиода и логографов, то есть с до-ахеменидского времени) о связи «Колхиды» Айэта и экспедиции Ясона, с более широким ареалом, чем Западная Грузия в современных границах, с анатолийским и индо-иранским миром, с такими странами, как Армения (в античном понимании) и Мидия. Сказочные, приключенческие и героизирующие мотивы в легенде об аргонавтах были привнесены поэтами в поразившее современников историческое путешествие микенских греков и открытие неведомых земель на краю ойкумены.

ARIASMENUS

Упоминается только в 6-ой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка (Val. Fl. *Arg.* 6.103, 394 sq., 423) как союзник враждебного грекам Айэта, командующий колесницами с серпами и гибнущий от своего собственного оружия. Валерий Флакк вряд ли придумал его имя, скорее взял его из более ранней эпической традиции об Аргонавтах, оно и по-гречески идеально ложится в гексаметр.

Уже одно то, что он подвластный Айэту правитель, может указывать на индоиранский мир. Ср. др.-инд. *arī-* (RV) ‘attached for, faithful’ (MW), что точно соответствует его описанию у Флакка как верного друга-союзника Айэта. *arī-* часто выступает первым элементом в сложносоставных эпитетах с семантикой поражающего врагов, победоносного и т. д.; ср. особенно *aryatán* ‘a bosom friend, playfellow, companion’, ‘ЛИ одного из Адитьев, к которому обычно призывают вместе с Варуной, Митрой, а также Бхагой, Брихаспати и др.’ (MW).

III. Индоевропейские имена в топонимике легенды и ее географического ареала

AMARANTA OPH, TA

Во второй книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского, в прорицании Финея с изложением маршрута дальнейшего плавания аргонавтов, в описании конечной точки путешествия «в самой углубленной (или «потаенной») точке моря» (μυχαιτάτηι θαλάσσηι), говорится, что «там с Китаидского берега, а также издалека с Амарантских гор и Киркейской равнины, бурный Фасис широким потоком впадает в море» Apoll. Rhod. 2. 399-401 ἔνθα δ' ἅπ' ἡπείροιο Κυταίδος ἡδ' Ἀμαραντῶν / τηλόθεν ἐξ ὀρέων πεδίοιο τε Κίρκαιοιο / Φᾶσις δινῆεις εὐρὺν ῥοὴν εἰς ἅλα βάλλει. Схолии к этому месту: Schol. Apoll. Rhod. , p. 163, 3-11

Wendland: Ἀμαραντῶν δὲ περισπωμένως, ὥς φησιν Ἡρωδιανὸς ἐν τῇ Καθόλου [I, 222, 17 L.]. Ἔστι δὲ Ἀμαραντὸς πόλις ἐν Πόντῳ· ὥς δὲ αὐτὸς φησιν, <Ἀμαραντὰ> ὄρη τῆς Κολχίδος, ἐξ ὧν ὁ Φᾶσις ποταμὸς καταφέρεται. ὅπερ ἀγνοήσας Ἡγέστρατος ὁ Ἐφέσιος Ἀμαραντίους ἀπέδωκε λειμῶνας τοῦ Φάσιδος διὰ τὸ εὐθαλεῖς εἶναι καὶ ἀμαράντους. Ὅτι δὲ τὰ Ἀμαραντὰ ὄρη ἐστὶ Κόλχων, ἱστορεῖ Κτησίας ἐν β' [688 F 57]. ὁ δὲ Φᾶσις φέρεται μὲν ἀπὸ τῶν Ἀρμενίας ὄρων, ὥς φησιν Ἐρατοσθένης [fr. III B 75 Berger], ἐκδίδωσι δὲ κατὰ Κόλχους εἰς θάλασσαν. «Ἀμαραντῶν с облеченным ударением, как говорит Геродиан в «Общей просодии». Амарантос — город в Понте. Как он сам [= Аполлоний] говорит, «Амарантские» — горы Колхиды, из которых течет вниз Фасис. А Гегестрат Эфесский, не поняв этого, объяснил «Амарантские» луга в том смысле, что они цветущие и неувядающие. Но о том, что Амаранты — это горы в стране колхов, сообщает Ктесий во второй книге, а как говорит Эратосфен, Фасис течет с гор Армении и впадает в море в стране Колхов».

Как видим, уже схолиаст, язвительно уколам комментатора Гегестрата за «невежество», указал на то, что Ἀμαραντὰ — это местное окситонное название гор, не имеющее отношения к греческому пропаркситонному слову «неувядающие» (ἀμάραντα). В греческом языке нет слова ἀμαραντός, но есть слово ἀμάραντος ‘неувядающий’ ἀ- ‘не’ и μαράινομαι ‘вянуть’. Горы никто не называет «неувядающими». Поэтому все издатели «Аргонавтики» всегда правильно печатали Ἀμαραντῶν, а не Ἀμαράντων. Тем более вызывает удивление, что на этот ценнейший реликт языка колхов, не обращали должного внимания, хотя он совершенно недвусмысленно указывает на индоарийское происхождение. Ср. скр. *amāra-*, ‘бессмертный; бог’ (*a + mara* ‘смерть’), *amarāṇa-* ‘бессмертие’, *amaraniya-* ‘бессмертный, бог’. Вторая часть композита *anta-* ‘end, limit, boundary, term’. То есть Amaranta = ‘Пик бессмертных’. Первая часть встречается в древнеиндийских названиях гор: *Amarādri-* о священной горе Меру, обители богов; *Amarakaṇṭaka-* ‘Peak of the immortals’ (MW) — название части массива Виндхья (Vindhya); *amaraparvata-* — название горы (MBh ii, 1193). Если «Фасис», который течет с гор Амаранта — это Риони, то «Пик бессмертных» — Большой Кавказский хребет. Если это Фасис-Чорох, то «Пик бессмертных» — Понтийские горы, см. Παρυάδρης.

В тексте схолиаста мнение Эратосфена, согласно которому Фасис течет «с гор Армении», приводится как немного отлича-

ющееся от утверждения, что он течет с Амарантских гор, но без резкого противопоставления. Впрочем, частица δέ двусмысленна: ее можно понять и как уточнение, и как легкое противопоставление, указание на отличие мнения Эратосфена от мнения Ктесия. В цитате из Эратосфена «страна Колхов», то есть Колхида — прибрежная область, *над которой* находятся «горы Армении», и через которую Фасис впадает в море (κατὰ Κόλχους). У Эратосфена в его «Географии», не имеющей отношения к традиции комментаторов «Аргонавтики», не было повода упоминать Аполлония или вступать с ним в спор.

Эратосфен, отец математической географии, не мог называть «горами Армении» Большой Кавказский хребет, с которого течет Фасис-Риони. Река «Фасис» в свидетельстве Эратосфена может относиться только к реке Чорох (Акампис, также Апсарос), а «горы Армении» — это Понтийские горы, см. ниже Παρυάδρης.

В полном согласии со свидетельством Эратосфена находится еще более раннее свидетельство Ксенофонта в Анабасисе 4.6.4. Реку Фасис, которую 10000 греков встретили в горах Армении, часто отождествляли с Араксом, полагая, что Ксенофонт ошибся. Против теории ошибки говорят следующие факты: 1) Ксенофонт упоминает живущее в этих местах племя Фасиан (Φασιανοί), которые очевидно так называли себя сами, а не в результате ошибки Ксенофонта. 2) Название Фасиса сохранилось в турецком топониме Pasinler в провинции Эрзурум. 3) Ксенофонт упоминает Аракс в другом месте и называет его своим именем (An. 1.4.19). 4) Согласно Ксенофонту, в этом регионе жили колхи, и Трапезунд, к которому греки направляются, по словам Ксенофонта, находится в «Колхиде», то есть в земле колхов, как и находящийся еще западней от грузинской «Колхиды» Керасунт. Это не значит, что Ксенофонт не знал грузинской Колхиды: о ней идет речь в An. 5.6.36. Но это показывает, что в классическую эпоху Фасис-Риони и Фасис-Чорох существовали параллельно, как и две Колхиды, одна Кавказская и другая Понтийская. Фасисом в Малой Армении Ксенофонт, вероятно называл Акампис-Чорох в верхнем течении. И этот тот самый Фасис, который, по словам Эратосфена, «течет с гор Армении».

ΑΨΑΡΟΣ

В разных источниках относится к названию реки или к названию места/поселения. В «Перипле» Псевдо-Скилакса (Scyl.

Per. 81) и у Аппиана (App. Mithr. 466) Ἀψαρος — название реки Чорох. У Арриана в «Перипле Эвксинского Понта» — название римского форта в Гонио, тогда как реку он называет Акампис. Ἀκαμψίς выглядит как искусственное позднее греческое название ‘Не имеющая изгибов’, Ἀψαρος древнее, чем Акампис, а Апсарос-гидроним древнее Апсарос-топонима.

Как альтернативу абхазской этимологии (Hewitt 2013: 43) можно указать на фонетически более точное соответствие в скр. *apsarás-* f. pl. ‘апсары’, нимфы, связанные с водой, из *ap-* f. ‘вода’ и *sar-* ‘бежать, течь’ (EWA I: 89–90; Indoarica: 227).

ΚΙΡΚΑΙΟΝ ΠΕΔΙΟΝ

У Аполлония Родосского — равнина, через которую течет Фасис, спускаясь с Амарантских гор к морю: см. комм. к Ἀμαραντά выше. Схолиасты толкуют как «долина Кирки», но связь с сестрой Айэта может быть вторичной по народной этимологии. Трубачев, Indoarica, 248 включает в свой словарь северопричерноморского индоарийского **krka-* / **kṛsa* ‘горло, горловина’, отраженное в названии Керчи (узкого пролива), а также в названии деревни на Тамани Короковδάμη. Трубачев не упоминает в этой связи «киркейскую равнину» в Колхиде, но учитывая общий индоарийский субстрат, его объяснение боспорского и крымского топонимов заслуживает внимания. В случае с Киркейской долиной речь может идти не о «проливе», как в Керчи, а о горном «ущельи» или долине, которая находится в ущелье (?).

ΚΟΛΧΙΣ

Kulhai упоминается в урартских текстах царя Сардури VIII в. до н. э. Κολχίς, -ίδος (scil. γῆ) морфологически чисто греческое образование («земля колхов»), поэтому надо исходить из основы *κολχ-* в этнониме Κόλχοι.

Ср. индоир. *kūla-* ‘Speisegemeinschaft, d.h. Kreis der Blutsverwandten’, позднее ‘Schar, Herde, Geschlecht, Familie, Zucht, Gemeinde, Haus’ и. а. (EWA: I, 372).

ΚΟΛΧΟΙ bis

Индоарийская гипотеза объясняет существование географического названия Κόλχοι ‘Колхи’ — эмпорий в Индии на берегу Индийского океана напротив Тапробаны — Цейлона. Это место славилось своей добычей жемчуга. Упоминается у Птолемея (7.1.10.95) и в ‘Перипле Красного моря’ (58 слл.). Даже если

допустить, что так называли его не сами местные жители, а греческие купцы и путешественники, они называли его так, потому что узнавали в местных жителях понтийских колхов. Но высока вероятность того, что это было эллинизированное местное название, связанное с др.-инд. *kūla-* ‘род, семья, община, дом’ и т. д. (см. *Κολχίς* выше). Нельзя согласиться с Coskun (2019: 81), который полагает, что греки произвольно перенесли название реки Фасис на Цейлон под влиянием мифопоэтического «представления» о Фасисе как о реке на краю света. В таком случае придется допускать, что и топоним *Κόλχοι* — тоже греческая выдумка, но его принимал всерьез Птолемей.

КУТА, КУΤΑΙΑ

Κύτα, город в Колхиде, отождествлялся с Кутаиси, *Κυταιίς* ‘Китейка’ — эпитет Медеи, *Κύταιος* и *Κυταιεύς* ‘китеец’ — эпитет Айэта в поэзии.

Ср. скр. *kuṭa-* ‘семья, дом’, а также ‘крепость’ (словари). Топоним встречается также на Крите, на Боспоре (*Κύταια*) и в Крыму. Трубачев включает его в свой словарь причерноморского индоарийского (Indoarica: 252) и сравнивает др.-инд. *koṭṭa-* ‘крепость’, также *koṭa-*. М. Майрхофер предполагает заимствование из дравидийских языков (EWA: I, 270). Против славянской этимологии Шапошникова (2008: 24) говорит невозможность отделить боспорский топоним от колхидского; кроме того, он засвидетельствован в IV в. до н. э., когда славяне, вероятно, мирно жили на своей дунайской прародине. В труде по истории и археологии Китея Молев (2010: 9), к сожалению, дает ошибочную этимологию от греч. *τὸ κύτος*. Во-первых, это слово означает не ‘выпуклость’, а наоборот ‘полость, вогнутость’ (в чаше, сосуде и т. д.), значения ‘изгиб’ (якобы о берегу) вообще не существует. Во-вторых, название города *Κύταια* (ἡ) представляет собой субстантивированное прилагательное женского рода от *Κύτα* с основой на *α* (с подразумеваемым *λόλις*). Но *τὸ κύτος* — слово с основой на *s*, от него прилагательное имело бы форму *Κύτειος*, а не *Κύταιος*. Скорее всего это слегка эллинизированная форма древнего варварского названия, поэтому Жебелев был прав.

ΠΑΡΥΑΔΡΗΣ

— название Понтийских гор у Страбона и Птолемея. Майрхофер (EWA: I, 65, s.v. *adri-*) принимает иранскую этимологию Р. Шмитта **Paru-adri-* ‘reich an Felsen’, сравнивая (предположи-

тельное) название горы в др.-перс. <arkdri->. Однако учитывая, что в этом регионе, согласно Ксенофону, обитали колхи, более вероятно индоарийское происхождение: ср. скр. *parvata*- ‘скалистый’ + *adri*- ‘гора’, т. е. ‘Скалистая гора’. В отличие от гипотетической др.-перс. параллели, *adri*- хорошо засвидетельствовано в др.-инд. названиях гор, особенно применительно к Гималаям: *adrīndra*- ‘владыка гор’, *adripati*- ‘господин гор’, *adrirāja*- ‘царь гор’, а также в одном названии железа *adrisāra*- (‘essence of stones’, iron — MW). Майрхофер (KEWA: 30) также допускает, что это название железа производно от скр. *adri*- ‘скала’, т. е. металл, твердый как скала. В северо-западных прибрежных предгорьях Париадра, согласно Баррингтонову атласу (Barrington: map 87), обитали халибы, изобретатели стали. Заметим, что близкий к области халибов портовый город Κούωρα, согласно лексикону Суда, также назывался Κύτωρα; о возможном индоарийском происхождении топонима Κύτα см. выше.

ΠΟΛΑΙ

Согласно легенде, сохраненной Каллимахом и Страбоном (Callim. *Aetia*, fr.11; Strab.1.2.39), преследуя Аргонавтов, колхи на иллирийском берегу, около могилы Гармонии, основали городок (ἄστυρον), «который грек назвал бы «городком беглецов-изгнанников» (φυγάδων), а их (т. е. колхов) язык наименовал Полами (Πόλας)». Schol. in Lycophr., 1022: Πόλαι δὲ πόλις Ἡπείρου ὑπὸ Κόλχων κτισθεῖσα τῶν καταδιωξάντων τὴν Μήδειαν καὶ μὴ καταλαβόντων αὐτὴν καὶ διὰ φόβον Αἰήτου ἐνταῦθα κατοικησάντων καὶ κτισάντων τὴν πόλιν, ἥτις τῇ Κολχίδι φωνῇ Πόλαι καλεῖται σημαίνοντος τοῦ ὀνόματος τοῦς φυγάδας, ὥς φησι Καλλίμαχος (fr.104). Итак, на языке колхов ‘беглецы’ φυγάδες = πόλαι, ср. др.-инд. *palay*- ‘to flee, fly, run away’ (MW, s.v.).

ΣΑΡΑΚΗ

ΣΑΡΑΚΗ — город в Колхиде, согласно Птолемею (Ptol. Geogr. 5.10.6). Город с названием Σάρακα есть также у Птолемея в перечне городов Мидии (Geogr. 6.2.10) и Аравии Счастливой (6.7.41). Для нескольких топонимов Северного Причерноморья, содержащих *sara*- ‘течение, вода’, предлагает индоарийские этимологии Трубачев (Indoarica: 270): Σάρον — город на Борисфене, Σεράκα — город на Вардане (Кубани). Отметим, что издание «Географии» Птолемея (Stueckelberger Grasshoff 2017) не дает разночтения Σαράκα в 5.9.28, которое приводит Трубачев, а указывает единственное чтение рукопи-

сей Σεράκα. Хотя Трубачев не упоминает город в Колхиде, предлагаемое им объяснение Σαράκα как ‘речной’, производное с суф. *-ka* от *sara-* ‘поток, вода, течение’, вполне адекватно в нашем случае.

Местонахождение колхидского города не установлено. Но существенное совпадение семантики со следующим топонимом, делает вероятным предположение о варианте названия Σαράπανα/Σαραπανίς. В перечне Птолемея 5.10.6 за Σαράκη сразу следует Σούριον, и оба эти поселения отнесены к ‘срединным землям’ между прибрежными лазами и горными магрелами.

ΣΑΡΑΠΑΝΑ, ΤΑ (ΣΑΡΑΠΑΝΙΣ)

Современный Шорапани в Колхети (Грузия). Согласно Страбону, Фасис был судоходен вверх по течению до этого места Strab. 11.2.17: ἀναπλεῖται δὲ Φάσις μέχριν Σαραπανῶν. Фасисом Страбон называет тут приток Риони реку Квирила. Топоним имеет прозрачную индоарийскую этимологию: *sar-* ‘бежать’ + *ap-* ‘вода’. После впадения в Квирилу ее левого притока Дзирула в Шорапани она течет по равнинной местности, до этого — по горной. Первая часть композита *sar-* описывает начало бурного течения, делающего судоходство невозможным. Скр. *sar-* этимологически родственно греч. ἄλλομαι, лат. *salio* ‘прыгать, бить ключом’. В НЗ ἀλλόμενον ὕδωρ — ключевая вода. У Аполлония Родосского (3.73) προαλὲς ὕδωρ — бурный поток. Ср. название реки *saráyū* в Ригведе, от *sar-* ‘бежать’ (EWA II: 708). Семантическая связь ‘течения’ с ‘бегом’ универсальна: ср. лат. *curro* в обоих значениях, англ. *running water*, др.-рус. *теку* ‘бежать’ и т. д.

Согласно Страбону (11.3.4) Сарапана — один из четырех путей, ведущих в Колхиду через узкие проходы (διὰ στενῶν) — сторожевой форпост (φρούριον, ἔρυμα) колхов, способный укрыть население целого города. Через эти проходы Фасис, переходимый по 120 мостам, «вследствие извилистости низвергается в Колхиду бурным потоком» (καταρρεῖ τραχὺς καὶ βίαιος). Другие топонимы с *sara-*: Indoarica: 270.

ΣΟΥΡΙΟΝ

ΣΟΥΡΙΟΝ — название города в Колхиде (Ptol., Geogr. 5.10.6; Plin. HN 6.13). Одни исследователи отождествляют его с совр. Sviri (область восточ. Колхети), другие с городищем Вани. В свою очередь Вани одними отождествляется со ‘святилищем Левкотеи’ (Lordkipanidze 1991: 194), упоминаемым у Страбона

(*ἱερὸν Λευκοθέας*), а другими с *Σούριον* Птолемея и *Surium* Плиния (Khoshtaria 1959 ap. Lordkipanidze 1991: прим. 113).

Индоарийское происхождение топонима прозрачно. Наиболее вероятно из др.-инд. *sūrya-* (*-iya-*), мужского рода – ‘Солнце, Солнечный бог’; женского рода – *sur(i)yā* ‘Солнце, Солнечная богиня’, жена или дочь Сурьи, дочь Савитара (RV etc., KEWA: 496). Выбрать одну из двух возможностей нелегко, так как многое говорит в пользу обеих. С одной стороны, индоарийское и индоевропейское имя бога солнца, этимологически тождественное греческому Гелиосу, отражено в царских именах древних колхов Савлак и Сувармахий, см. ниже секцию IV, Nr. 1, 3. С другой стороны святилище Солнечной богини *Σούριον* было бы соблазнительно связать с *ἱερὸν Λευκοθέας*, о котором сообщает Страбон (Strabo 11.17), *ὑπέρκειται δὲ τῶν λεχθέντων ποταμῶν [= Φᾶσις, Γλαῦκος, Ἴπλος] ἐν τῇ Мосχικῇ τὸ τῆς Λευκοθέας ἱερὸν Φρίξου ἴδρυμα, καὶ μαντεῖον ἐκείνου, ὅπου κριὸς οὐ θύεται, πλούσιόν ποτε ὑπάρξαν, συληθὲν δὲ ὑπὸ Φαρνάκου καθ’ ἡμᾶς καὶ μικρὸν ὕστερον ὑπὸ Μιθριδάτου τοῦ Περγαμηνοῦ* “Выше, над указанными реками [= Фасис с притоками Главкос и Гиппос] в Мосхийской земле находится святилище Левкотеи, основанное Фриксом, и его оракул, где не приносят в жертву барана. Некогда богатое, оно было разграблено нашим современником Фарнаком и чуть позже Митридатом Пергамским”. Ниже (11.18) Страбон добавляет: *Ἡ δ’ οὖν Мосχική, ἐν ᾗ τὸ ἱερόν, τριμερὲς ἐστὶ· τὸ μὲν γὰρ ἔχουσι αὐτῆς Κόλχοι τὸ δὲ Ἰβηροὶ τὸ δὲ Ἀρμένιοι* “Мосхийская земля состоит из трех частей: одну ее часть населяют колхи, другую иберы, третью армяне.” Обратим внимание на то, что Страбон четко различает колхов и картвелоязычных иберов. Левкотея была связана с морем, поэтому напрашивается ее сравнение с “Фасианской богиней” (*Φασιανὴ θεός*), статуя которой стояла в устье Фасиса на берегу согласно Арриану. Но с другой стороны, по свидетельству Арриана, она была похожа на Кибелу со львами, больше напоминающую анатолийскую *Magna Mater*, почитавшуюся в Пессинунте. Различия на этом не кончаются: царский культ Гелиоса бы элитарным, а культ Великой Матери – демократическим и общенародным.

Менее вероятно сравнение с др.-инд. *sūri-* ‘владыка’ ‘гостеприимный’, ср. греч. *εὔ-ξεῖνος*) и *sura-* ‘бог’, производного от *ásura-* (KEWA: 487, 495).

ΦΑΣΙΣ

Ср. *bhās-* ‘светиться, сиять’, то есть блестящая река. Арриан дает необычное описание цвета воды в реке Фасис: РРЕ, 8 (р.109, 26–110,2) ἡ δὲ χροῖα τῷ Φάσιδι οἷα ἀπὸ μολύβδου ἢ καττιτέρου βεβαμμένου τοῦ ὕδατος ‘цвет у Фасиса такой, словно он окрашен свинцом или оловом’. Сравнивая цвет Фасиса с оловом, Арриан вероятно хочет сказать, что вода реки «серебрится, поблескивает» как металл, с «переливами», а не ярко сияет. Притоком Фасиса была река Глаῦκος, а γλαυκός по-гречески значит ‘блестящий, мерцающий’ или ‘серый’. Можно предположить, что греческое название притока «переводит» колхское, то есть индоарийское слово. Согласно лексикографам, Река ‘Фасис’ была и на Тапробане (Цейлоне): Ael. Herodianus, *De prosodia catholica*, v.3,1, p. 102, 30; на берегу Индийского океана напротив Тапробаны было поселение «Колхи» (Κόλχοι), см. Κολχίς. О реках с этим названием на Южном Кавказе и Кубани см. Дан 2016. См. также под леммой Κόλχοι выше.

VANI

VANI — картвелизированная форма скр. *vāna-* ‘лес, роща’. Индоарийский семантический эквивалент греч. ἄλσος ‘священная роща’, святилище.

IV. Индоарийские имена трех колхов царского рода (Савлак, Сувармахий, Набарнугий), скифского вождя Савмака и владельца перстня из Вани Дедата.

(1) Савлак (Σαυλάκης)

В 33 книге «Естественной истории», в моралистической эскападе против чрезмерной роскоши Плиний Страший, после упоминания сказочного богатства Мидаса, Креза и Кира Великого приводит в качестве дурного примера уникальный рассказ об излишествах царя Колхов Савлака:

Plin. *Hist. Nat.* 33.52 iam regnaverat in Colchis Saulaces Aeetae suboles, qui terram virginem nactus plurimum auri argentique eruisse dicitur in Suanorum gente, et alioqui velleribus aureis incluto regno. Et illius aureae camarae, argenteae trabes et counae atquae parastaticae narrantur victo Sesostri, Aegypti rege tam superbo, ut prodatur annis quibusque sorte reges singulos e subiectis iungere ad currum solitus atque ita triumphare.

Этимология. Иванчик (2005: 215) считает имя Савлака «сармато-аланским», сравнивая осетинское *sawlaeg* ‘черный человек’ и предлагает иранскую этимологию. В словаре Абаева (который не цитирует имя Савлака в качестве параллели ни под словом *saw-* ‘черный’ ни под словом *laeg* ‘муж, человек’), *sawlaeg* толкуется как «человек низшего сословия» (ИЭОСЯ, III, 46) — не самая подходящая семантика для царского имени. «Черными» или смуглокожими колхов могли называть только путешественники, вроде Геродота, но не они сами. Согласно традиции, основанной на аутопсии (Геродот, Гиппократ) колхи по своему антропологическому типу разительно отличались от всех окружающих племен. Колхи не были скифами и не были кочевниками: они жили оседло столетиями на одном и том же месте, занимаясь возделыванием льна. Гиппократ свидетельствует, что они жили в тростниковых хижинах на воде в заболоченном устье Фасиса и перемещались на долбленых лодках по каналам, а не на конях. Можно не сомневаться, что по языку они так же разительно отличались от окружающих племен, как и по антропологическому типу и культуре. Иванчик (2005: 218–222) совершенно справедливо указывает на важное отличие рассказа Плиния о конфликте между колхами и египтянами (Савлаком и Сесострисом) от рассказа Геродота: (1) в версии Плиния победителями оказываются колхи, а не египтяне; (2) колхи не являются потомками простых солдат оккупационной армии Сесостриса, а следовательно, не являются египтянами. Поэтому Иванчик справедливо характеризует версию Плиния как «антиегипетскую», но отсюда не следует (*non sequitur*), что тем самым эта версия была «скифофильской». Конфликт между египтянами и скифами является макроконтекстом только в рассказе Геродота. В рассказе Плиния нет никакого упоминания скифов, в нем говорится только о войне между египтянами и *колхами*, и маловероятно, что в источнике Плиния вообще упоминались скифы, для них просто нет места в совершенно другом сюжете. Версия Плиния является полной противоположностью версии Геродота: война между колхами и египтянами перенесена из Колхиды в Египет; не Сесострис вторгается в Колхиду, а славный колхский царь Савлак вторгается в Египет и полагает конец бесчинствам Сесостриса; побеждают колхи, а не египтяне. Сказочные богатства дворца Савлака в Колхиде происходят не только от золотых приисков в горной стране сванов, но и от военных трофеев, привезенных из Египта. Савлак при этом выступает и как освободитель

завоеванных Сесострисом народов, избавляющий их от унижения: ежегодного «выхватывания» по жребию для инсценировки «триумфа» одного из подчиненных ему «царей». Слава и могущество Савлака, таким образом, достигают вселенских размеров, уподобляя его Александру Великому. «Антиегипетский», и при этом «колхофильский», а не «скифофильский», рассказ Плиния выглядит как полемическая инверсия (περίτροπή) рассказа Геродота о происхождении колхов. С колхов снимается не только принижающее их происхождение от солдат оккупационных войск Сесостриса, но и позор поражения: рассказчик дает понять, что постыдную для воина стелу с изображением женских гениталий на завоеванной территории заслужил сам Сесострис, а не отважные колхи. Гипотезу Иванчика о происхождении версии Плиния из «сарматской легендарной традиции о Савлаке» (2005: 220) следует отклонить как неубедительную. Дополнительным аргументом против этой гипотезы являются и новые нумизматические данные о царском имени Савлака в эллинистическую эпоху, которые укзывают на местную колхидскую традицию, а не на Боспор (см. ниже). Источник Плиния почти несомненно литературный греческий; его автор сочетал незаурядную ученость (уникальное свидетельство о Савлаке, имя которого неизвестно Геродоту) с анекдотическим материалом (экстравагантная жестокость Сесостриса). Такое сочетание характерно для Ктесия, который упоминал Колхиду, предположительно в своем Περίοδος (FGrHist 688 F 57), а также был важным источником о Семирамиде, о богатствах которой Плиний говорит в ближайшем контексте. Ярко выраженный колхофильский характер рассказа указывает на местно-патриотическую традицию, записанную Ктесием (или другим автором) в Колхиде. Нельзя исключить, что при всех очевидных преувеличениях подвигов Савлака, за ними может стоять вольная интерпретация каких-то фактов, а именно отголосков битвы при Кадеше. В греческом и египетском фольклоре смешивались рассказы о завоеваниях Сесотриса-Семворсета и фараонов XIX династии, включая Рамсеса II (Silverman 2003: 29; Ivanchik 1999). Известно также, что обе стороны (и хетты, и египтяне) объявляли себя победителями. Среди союзников хеттского царя Муваталиса упоминается этнос Mushanet, который некоторые сравнивают с анатолийскими мосхами-месхами, μόσχοι Геродота (сомнения у Gardiner 1975: 58). Выдавая желаемое за действительное, народная молва со временем могла превратить поражение Сесостриса в этой битве (с точки

зрения союзников Муваталиса) в полный разгром Египта с последующим вывозом Савлаком в качестве трофеев неправомерно нажитых египетских сокровищ в родную Колхиду.

В отличие от бесчинств Сесостриса, историчность имени царя Савлака не может быть поставлена под сомнение, так как подтверждается нумизматическими данными. В 1876 Гутшмидт прочитал имя Савлака на 8 редких серебряных монетах конца II в. до н. э., пять из которых были приобретены в Сухуми (Диоскуриада) и в Вани.

Поскольку последняя буква легенды ΣΑΥΛ читалась нечетко, эта идентификация была оспорена, последняя буква была прочитана как Μ, имя правителя восстановлено как ΣΑΥΜΑΚΟΥ, а не как ΣΑΥΛΑΚΟΥ, а эмитентом признан не колхидский царь, а скифский вождь Савмак, ненадолго овладевший Боспорским престолом (107 г. до н. э.). Длившемуся в течение десятилетий спору между сторонниками двух интерпретаций положила конец находка монеты в крепости Кара Буш близ Феодосии, опубликованной Гавриловым и Шоновым в 2007 году, на которой ясно читается ΣΑΥΛΑΚΟΥ⁵. Однако прямое отождествление Савлака Плиния с эллинистическим правителем невозможно по следующим причинам. 1) В тексте Плиния Савлак замыкает перечень древних восточных царей (Мидас, Крез, Семирамида, Кир Великий); было бы странно, если бы он включил в него недавнего правителя. 2) Плюсквамперфект *iam regnaverat in Colchis Saulaces* явно отсылает к правителю, который погряз в роскоши «уже до Кира», то есть до VI в. до н. э. 3) Плиний никак не мог утверждать, что эллинистический правитель Колхиды сражался с Сесострисом (Сенвосретом), фараоном XII династии. Проблема легко решается, если учесть, что в царских генеалогиях имена правителей прошлого нередко повторялись в последующие века, и допустить, что Савлак II в. до н. э. был назван в честь легендарного древнего Савлака, имя которого обросло легендами. Именно через этого легендарного предка, упомянутого в рассказе Плиния, эллинистический царь

⁵ Чореф 2018 продолжает приписывать эти монеты Савмаку, игнорируя публикацию (Гаврилов, Шонов 2007), считая, что такие монеты выпускали города, добровольно признавшие власть Митридата. Но восстание Савмака было направлено как раз против власти Митридата и его ставленников на Боспоре! Если бы Савмак признал власть Митридата, не было бы ни карательной экспедиции Диофанта, ни его пленения.

Колхиды возводил свой род к Айэту и через Айэта к Гелиосу, который изображен на аверсе монеты с именем царя Савлака.

Балахванцев (Balahvancev 2009: 21–22) указывает на интересную редкую параллель к такому унижению побежденных правителей: в 645 г. до н. э. Ашшурбанипал во время празднования Нового года запряг в колесницу трех захваченных в плен эламских царей и одного арабского и так проследовал к храму Иштар. Однако гипотеза о том, что у Плиния «в действительности идет речь о победе» Савлака над Ашшурбанипалом, представляется слишком смелой и недоказанной.

Связь «царя Савлака» с династией Фарнавазидов в эллинистической Иберии остается неясной и скорее маловероятной. В списке 35 царей Иберии (Toumanoff 1969: 33) такого правителя нет, и найти ему в нем правдоподобное место нелегко. Альтернативой остается предположение о существовании в конце II в. до н. э. независимой от Иберии локальной колхидской династии, возводившей свой род к Айэту. Савлак мог принадлежать к той же самой колхидской династии, что и упоминаемый Ксенофонт «потомок Айэта», «царствовавший» (βασιλεύωντος) в стране колхов на рубеже IV–III вв. до н. э.

С учетом всего сказанного наиболее вероятной представляется индоарийская этимология имени Σαυλάκης. В индоарийском словаре Трубочева (Indoarica, 273) есть лемма *saul(ia)-/*sol- ‘солнце’, которая документируется тремя ссылками: 1) τῆι θεῶι Σῶλ ‘богине С.’, посвятельная надпись на Таманском пол-ве II в. н. э.; 2) Σαύλος — царское ЛИ у скифов; 3) надпись ΣΑΥΛ на монете Савлака. Ссылка (1) вызывает у нас сомнения, такой надписи или такого чтения нет в КБН. В (2) имеется в виду рассказ Геродота 4.76 о скифском царе Савлии, убийце Анахарсиса. Трубочев сравнивает др.-инд. *saurya-* / *sūrya-* ‘солнечный’ и обращает внимание на сохранение архаического и.-е. *-l-. Суффикс принадлежности -aka- по всей вероятности в данном случае означает клановую принадлежность, то есть имеет коннотацию ‘происхождения от’: ‘Потомок Солнца’. Изображение лика Гелиоса в лучах на аверсе монеты оказывается точным пиктографическим эквивалентом индоарийского имени царя на реверсе. Этим полностью подтверждаются слова Плиния о том, что Савлак был ‘потомок Айэта’, то есть возводил свою генеалогию к Айэту, сыну Солнца. Случайно ли, что монеты с Гелиосом на аверсе были найдены, кроме Сухуми, также и в Вани, античным названием которого, возможно, был Σούριον? Могли ли они отражать культ солнечного божества?

Об этимологии и локализации топонима Сурион см. раздел III выше.

Менее вероятная возможность: сложение *sau-* (вариант *su-*) ‘добрый, хороший’ + *lākṣman* ‘знак, метка’, отсюда *sulakṣa-* ‘having good or auspicious marks, fortunate’ (MW, s. v.). Засвидетельствован также вариант с *sau-*: *saulakṣaṇa-* с тем же значением (Katha 1s), в том числе в личных именах: жена Шивы и т. д. По своей семантической структуре такая композита сходна с греч. Εὖ-τύχος.

(2) Савмак (Σαύμακος)

Хотя эмитентом колхидских монет с Гелиосом был местный царь Савлак, а не Боспорский вождь скифов Савмак, имя последнего также представляет немалый интерес для нашего исследования. Имя Σαύμακος известно по упоминанию в херсонесском декрете Диофанта (IOSPE I² 352, 34). Как указал О. Н. Трубачев, это «скифское» имя на самом деле не иранское, а индоарийское и предположительно связано с ведийским именем бога и священного напитка *сома* (иранское *хаома*), этимологически тождественно др.-инд. ЛИ *Somaka-*, производному с суфф. *-ka-* от *soma-* ‘священный напиток’ (Indoarica: 373). При этом Трубачев ссылается на письмо К. Witczak’a 1989-го года как на источник этого сравнения и этимологии. К примерам Трубачева надо добавить имя Σώμαχος в ольвийской надписи, о котором см. ниже в разделе V. Намного менее убедительно, и фонетически, и семантически, сближение с осет. *saewmag* ‘утренний’, предлагавшееся Абаевым (ИЭСОЯ III, 92).

Савмаку и декрету в честь Диофанта посвящена обширная литература, существует и немало работ с изложением истории вопроса, которую нет нужды здесь повторять (см. Rubensohn 1980; Gavriloв 1992; J. A. Vinogradov 2017: 261 сл.; Buklagina 2018). Мы лишь вкратце обозначим нашу позицию в дебатах об интерпретации спорной строки декрета и о характере выступления Савмака в той мере, в какой это необходимо для задач настоящего исследования. Научная честность Жебелева для нас неоспорима, конъюнктурные мотивы написания его работы «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (1938) надо исключить (ср. новый взгляд на отношения между Жебелевым и идеологией: Kariuk, Kulishova 2018). Жебелев верил в то, что писал. И он не во всем был неправ. При этом Жебелев допустил следующие фактические ошибки. Жебелев неверно истолковал в строке 34 декрета слово ἐκθρέψαντα как

указание на то, что Савмак был домашним рабом (θρεπτός) Перисада. Соответственно, и основанная на этой интерпретации гипотеза о «восстании рабов» также была ошибочной. Но он был прав, понимая αὐτόν как ссылку на самого Савмака, который действительно был «воспитан» Перисадом, но не как раб, а как царевич, и, вероятно, как заложник тоже. В интерпретации αὐτόν как указания на Диофанта неправы были С. Я. Лурье и его многочисленные сторонники. Главный аргумент Лурье (αὐτός в декретах часто относится к чествуемому лицу) апеллирует к обще-статистической вероятности. Мы хотим внести поправку в общий принцип Лурье, а именно указать на то, что микроконтекст (в данном случае строки 34–35) обладает приматом над макроконтекстом (весь декрет в целом) как определяющий герменевтический фактор. Если в каком-либо рассказе говорится, что человек А убил человека В, и при этом вдруг упоминается, что человек В воспитал человека С, то такое упоминание оказывается для нас неожиданным и немотивированным, потому что оно упоминает факт, не имеющий никакого отношения к убийству, то есть к микроконтексту. Наоборот, когда в греческом рассказе, рассчитанном на впечатлительного греческого читателя, говорится, что человек А убил человека В, который его же и воспитал как отец-кормилец, то мы получаем душераздирающую драматическую историю, которая выставляет убийцу в черном свете, потому что по греческим представлениям поднявший руку на отца (πατραλοίας) считался извергом рода человеческого (о сходном термине μητραλοίας см. Gavrilov 1977). Составитель текста декрета негативно относится к Савмаку и не упускает случая указать на его черную неблагодарность. Общую картину, на фоне которой произошло выступление Савмака и убийство Перисада, правильно реконструировал Ростовцев (Rostovtzeff 1941: 769–771). В его в целом правильное определение природы конфликта как конфликта между эллинизмом и иранским миром надо внести небольшую поправку: это был конфликт между эллинизированной аристократической элитой Боспора и зависимым местным «скифским» населением, понимая термин «скифы» в декрете как ссылку не на ираноязычных скифов Палака, а на местных синдомеотских «скифов», с которыми Савмака роднило общее происхождение и родной синдомеотский (индоарийский) диалект, отраженный в его имени. Несостоятельны распространенные в наши дни две школы мысли в объяснении фигуры Савмака и предпринятой им акции: двор-

цовый переворот (Vinogradov 1989 и др.) и внешняя интервенция (Gavrilov 1992). Марксисты придумали классовую борьбу (вернее не придумали, а преувеличили до космических масштабов ее значение как движущей силы истории), но марксисты не придумали дискриминацию и угнетение автохтонного населения, которое имело место в греческом мире, прежде всего в консервативных, автократических и монархических полисах. «Илотизм» не ограничивался Спартой: подобные системы эксплуатации зависимого труда существовали в Фессалии, Геракле Понтийской и на Крите (Hodkinson 2009, гл. 7). В отличие от демократических полисов, таких как Ольвия, умевших ладить с варварами на основе взаимности, торговли и обмена, Боспорское царство было автократическим государством 'ориентального' типа, поэтому дискриминация симеоотского сельского населения в нем в эпоху классики и эллинизма не кажется невероятной. Согласно Ростовцеву, выступление Савмака было типичное для эпохи Эллинизма восстание «против иностранного владычества и угнетения бедных богатыми, такое, как восстание Андриска в Македонии, Аристоники в Пергаме, местного населения в Египте и националистические движения в царстве Селевкидов» (op. cit. 769).

Если последний Перисад был «кормильцем», то есть, по существу, приемным отцом Савмака, а Савмак его «питомцем», то это значит, что у Савмака не было отца. Почему? Ответ напрашивается само собой: потому что его отец был убит. Убит кем? Наиболее вероятный ответ: самим Перисадом, для которого отец Савмака представлял угрозу как противник или претендент на престол. Он оставил в живых Савмака как заложника для охлаждения пыла тех, на кого опирался отец Савмака. Савмак вряд ли убил бы своего «кормильца», если бы он был добрым дядюшкой. Он убил его из мести за своего отца, имя которого мы не знаем, воспользовавшись ослаблением власти Спартокидов и, вероятно, не желая перехода Боспора под власть Митридата. Он опирался на местное зависимое сельское население, названное в тексте декрета «скифами», и, возможно, на старейшин этого племени, а не на эллинизированную Боспорскую аристократию вопреки Виноградову, которая находилась на прямо противоположном социальном полюсе по сравнению со «скифами». В единственном историческом свидетельстве прямо сказано, что Савмак возглавил мятеж или восстание «скифов». Эти «савмаковские скифы» (οἱ περὶ Σαύμακον Σκύθαι), как сказано в декрете, были ядром и опорой

восстания. Даже жебелевское «восстание рабов» меньше противоречит этому свидетельству, чем версия дворцового переворота, совершенного в кулуарах аристократической верхушкой. Отсутствие у восставших военного опыта и вероятная проблема с вооружением объясняют, почему Диофант, вернувшись, с такой легкостью подавил восстание: синдромеотские «мужики с вилами» (фигурально выражаясь) были беспомощны перед безжалостным кондотьером Диофантом и его профессионально вышколенной армией. Диофант подавил это восстание с такой же легкостью, с какой царские войска под командованием князя Долгорукова разгромили разношерстное воинство Стеньки Разина в 1670-ом году. Сравнение тем более уместное, что в восстании Разина кроме казачества и крестьян принимали участие коренные народы Поволжья: чуваша, мордва, башкиры и др. В конечном счете, сравнение «скифского» восстания Савмака с восстанием Спартака, в какой-то мере (без абсолютизации) оправдано, так как ядро последнего составили этнические группы гладиаторов (фракийцы и кельты), к которым впоследствии присоединились рабы и свободный «сельский пролетариат» Южной Италии по формулировке Oxford Classical Dictionary, s.v. Spartacus.

Это объясняет также, почему Диофант не расправился с Савмаком на месте, а отослал его к Митридату, которому он был нужен живым в качестве заложника для предотвращения новых мятежей его сторонников. Этим дополнительно доказывается, что Савмак пользовался большим влиянием среди своих соплеменников и, вероятно, рассматривался ими как имеющий право на царство.

Итак, Σαῦμακος оказывается четвертым индоарийским «царским» именем в колхидско-боспорском причерноморском пространстве с общим этноязыковым индоарийским субстратом. Если у Савмака было царское имя, у него, весьма вероятно, были и некоторые права на боспорский престол. Сохранилась легенда о происхождении царской власти на Боспоре у Стефана Византийского: Steph. Byz. *Ethnica* 16.26 Παντικάπαιον· πόλις μεγίστη, τῶν κατὰ Βόσπορον μητρόπολις. ὠκίσθη δὲ παρὰ Αἰήτου παῖδός, λαβόντος τὸν τόπον παρὰ Ἀγαήτου τοῦ Σκυθῶν βασιλέως καὶ καλέσαντος τὴν πόλιν ἀπὸ τοῦ παραρρεόντος ποταμοῦ Παντικάπου. «Пантикапей: величайший город, метрополия городов Боспора. Был основан сыном Айэта, который отнял это место у царя скифов Агаэта и назвал город по протекающей рядом реке Пантикап». Эта легенда двусмысленна и могла по-разному

толковаться⁶. Выше мы предположили, что она могла служить мифом-хартией для эллинизированной аристократии, доказывающим законность ее власти. Но «скифы» могли ссылаться на нее и в доказательство того, что Пантикапей — это их земля, отобранная «потомком Айэта». Интересно было бы выяснить, была ли связана с происхождением от Айэта царская генеалогия Митридата.

О. Н. Трубачев (*Indoarica*: 246. 259) подвергает критике иранскую этимологию Абаева для топонима Παντίκαπαιον, указывая на семантическую трудность сближения второго элемента с иранским словом для «рыбы», и предлагает индоарийскую объяснение «холм у пролива (пути)» со знаком вопроса, сложение др.-инд. *pantha-* ‘путь, дорога’ и **кара-* ‘холм’. Второй элемент засвидетельствован также в названии Феодосии Καφῶς (Константин Багрянородный, X век) и Caffa в итальянских документах XIII–XIV вв. На межэтническую составляющую конфликта указывает также участие на стороне скифов племени Роксоланов, названных в декрете Ῥευξίλανῶν ἔθνος (v.23). Трубачев дает индоарийскую этимологию имени царя роксоланов Ras-para-ganus в надгробной надписи II в. (*Indoarica*: 186–187): ‘царь-врагов-убивающий.’ Примечательно, что Распараган поселился и умер в городе Полах в Истрии, фигурирующем в легенде об аргонавтах и, возможно, имеющем также индоарийскую этимологию (см. выше о Πόλαι). Индоарийским, согласно Трубачеву (*Indoarica*: 258), является также упоминаемое в декрете Диофанта имя скифского царя Палака (Πάλακος ‘страж, защитник’).

(3) Сувармахий (Σουβαρμάχιος)

Византийский лексикон Суда сохранил уникальное свидетельство о «чистом колхе царского род» Сувармахии в эксцерпте из утраченного исторического сочинения Евнапия Сардинского: Suda Lexicon Σ 793 = Eunapius, *Fragmenta historica*, fr.67.8 Blockley (1983).

⁶ А. Подосинов (Podosinov 2000: 102) считает эту легенду продуктом ученой александрийской поэзии, но уникальное варварское имя скифского царя (древность его признает сам же Подосинов), указывает скорее на местный боспорский фольклор или локальную боспорскую / скифскую историографию. При этом Подосинов правильно указывает на связь легенды об основании Пантикапея с сагой об аргонавтах.

Σουβαρμάχιος. Οὗτος τῶν δορυφόρων ἦν ἡγεμών, πιστότατος τῷ εὐνούχῳ Εὐτροπίῳ, εἴπερ τις ἄλλος. ἔπινε δὲ πλείονα οἶνον ἢ ὅσον ἡδύνατο χωρεῖν, ἀλλ' ὅμως τὰ περὶ γαστέρα διὰ συνήθειαν οὕτω καὶ γυμνασίαν ἰσχυρὰν καὶ νεανικὴν πάντα φέρειν ἐπὶ τὴν φυσικὴν τῶν ὑγρῶν ἔκκρισιν. ἀεὶ γοῦν ἦν, πεπωκώς τε καὶ οὐ πεπωκώς, μεθύων· τὴν δὲ μέθην παρεκάλυπτε σφαλερὸν διαβαίνων ὑφ' ἡλικίας διὰ νεότητα καὶ συνιστάμενος. ἦν δὲ βασιλικοῦ μὲν γένους, κόλχος ἀκριβῆς τῶν ὑπὲρ Φάσιν καὶ Θερμώδοντα, τοξότης ἄριστος, εἴ γε μὴ κατετόξευσεν αὐτὸν τὸ περιττὸν τῆς τρυφῆς.

«Сувармахий. Он был начальником стражи, преданный евнуху Евтропию как никто иной. Они пил больше, чем мог вместить, но благодаря привычке и тренировке — сильной и молодецкой — нутро его выдерживало все для естественного выделения жидкости. Он был вечно пьян, независимо от того, был ли выпивши или нет, но он скрывал опьянение тем, что прихрамывал смолоду и при этом держался на ногах. Он был царского рода, чистейший колх, из тех, что живут за Фасисом и Фермодонтом, и он был бы наилучшим стрелком из лука, если бы его самого не сразила его слабость».

Этимология. Учитывая, что греческая бета уже со второго века становится витой (рукописи Галена и Диона Кассия передают лат. Victor как Βίτωρ), а в конце четвертого века β однозначно произносилась как ν, первый компонент композита Σουβαρμάχιος безошибочно определяется как *suvar-*, из др.-инд. *svar-/suvar-* ‘солнце’ и ‘солнечный бог.’ Майрхофер (KEWA: 567) допускает правильность реконструкции теофорного имени **Suvar-dāta*- в эламских текстах, связывая его с «ближневосточным индоарийским». Второй элемент определить сложнее, так как есть три возможности. Первая возможность, наиболее вероятная, к др.-инд. глаголу *mahāyati* ‘величать, почитать’, отсюда теофорное имя Сувармахий = ‘Почитающий Солнце’. Вторая возможность: др.-инд. *maghā-* n. ‘дар, богатство’, в этом случае получаем точный аналог греч. Ἡλιόδωρος ‘Солнцедар’. Третья возможность: др.-инд. *takhā-*, обозначение разных богов и людей с трудноопределимым значением. На предполагаемом древнем значении ‘воин’ основано сближение с греч. μάχομαι (Mayrhofer, EWA, II, 288; Chantraine, DELG, 674). Все три слова встречаются в композитах.

Евнух Евтропий был постельничим (*praepositus sacri cubiculi*) императора Аркадия, фактическим правителем восточной империи после убийства преторианского префекта Руфина (ноябрь 395) до своего собственного низвержения и казни в

августе 399 года. Именно в эти годы Сувармахий, «чистейший колх царского рода», занимал должность начальника охраны (ἡγεμὼν τῶν δορυφόρων). В просопографии поздней Римской империи эта должность предположительно отождествлялась с восточным comes domesticorum, однако Woods 1996 убедительно показал, что речь идет о командовании одной из семи кавалерийских частей императорской охраны (scholae palatinae), а именно о Schola scutariorum sagittariorum. Специфика этой части была в том, что всадники были вооружены луками: это объясняет шутку Евнапия о том, что Сувармахий мог бы быть лучшим лучником на свете, если бы сам не пал сраженный пагубной страстью к вину. Развивая дальше свое открытие, Вудс указывает на то, что другой уроженец Иберии по имени Бакурий (Bacurius у Аммиана Марцеллина, Βακούριος в греческих источниках) занимал должность tribunus sagittariorum в битве при Адрианополе в 378 году с участием императора Валента, откуда делается вывод, что он командовал той же самой частью императорской охраны Schola scutariorum sagittariorum, что и Сувармахий, за 20 лет до него. На этом сходство между Сувармахием и Бакурием не кончается: согласно церковному писателю Руфину из Аквилеи, Бакурий был также «царского рода», откуда согласно Вудсу, можно сделать вывод, что они были близкими родственниками⁷. Внуком Бакурия был известный христианский подвижник, основатель Маюмского монастыря в Палестине, канонизированный Грузинской церковью и почитаемый монофизитскими церквями Петр Иверский (411–491).

Имена родителей Петра-Набарнугия в сирийской версии Bosmarios и Bakurduktia, имена родителей его отца — Bosmarios и Osduktia, имена родителей его матери — Bakurios и Duktia; у деда Бакурия был брат Arsilios; отец Бакурия и Арсилия, то есть прадед Петра-Мурвана-Набарнугия — Pharasmanios. Duktia можно было бы истолковать как и.-е. слово для «дочери»: в

⁷ Woods 1996: 367. Rufinus *HE* 1.11: fidelissimus Bacurius, gentis ipsius rex et apud nos domesticorum comes. Противопоставление «*ipsius gentis*» vs. «*apud nos*» означает, что Бакурий был царем (rex) в *своем племени*, тогда как в Римской империи он был comes domesticorum. Церковный писатель Сократ (*Hist. Eccl.* 1.20), цитируя Руфина как источник, называет Бакурия «царевичем иберов» (βασιλίσκος τῶν Ἰβήρων), но сам Руфин иберов не упоминает.

этом случае *Bakurduktia* означало бы «Дочь Бакура», каковой мать Петра-Набарнугия и была на самом деле. Однако имя *Bacurius* (Πάκορος в греч. передаче) объясняют из иранского **bag-puhr* ‘сын бога’ (N. Garsoian ap. Marciak 2017: 224), имя *Pharasmanios* также иранское, как и *Mihran-dukht* в генеалогии Хосроидов (Toumanoff 1963: table). Уникальное эпиграфическое свидетельство об имени Бакур — надпись на перстне с геммой *BAKOYR AΛANA* из Жинвальского могильника рубежа II–III веков, опубликованная Балахванцевым (Балахванцев 2010).

(4) Набарнугий (411–491)

Имя *Nabarnugios* засвидетельствовано в сирийской версии «Жития Петра Иверского», в следующих пассажах (цитируем в английском переводе Horn — Phenix). *Vita Petri* § 5 (Horn 2008: 7) «In the language of their (Iberians) country he first had the name Nabarnugios». § 14 (Horn 2008: 17) «Arsilios, his (Bakurios’) full brother... governed ... the kingdom of Iberians together with Bosmarios, the father of our Peter, who also [is named] Nabarnugios». § 40 (Horn 2008: 57) «When [Melania] heard of the arrival of the holy youths Peter and John in Jerusalem — at that time they were still called Nabarnugios and Mithridatos in the languages of their countries... she received them joyfully». Есть одно разночтение в VP § 118 «Nabronugios [sic!], son of Bosmarios, son of Bosromios [sic!]...», cf. Horn 2008: 7, note 6. В грузинской версии жития Петра вместо имени *Nabarnugios* дается *Murvan(os)*, вариант имени *Mirian*, которое, в свою очередь восходит к иранскому *Mihr* (в генеалогическом древе династии Хосроидов есть правители Кахетии VIII в. *Mihr* (*Mirian*) *Mihran* (см. таблицу в Toumanoff 1963). Как указывает Horn 2008: LXI, изменения имен в генеалогии Петра связано с попыткой монаха Макария представить его Халкедонским святым, обелив от обвинений в монофизитства, то есть мы имеем дело с фальсификацией. Поэтому надежно засвидетельствованным является только имя *Nabarnugios* (v. l. *Nabronugios*) в сирийской версии. Первый элемент можно сопоставить с скр. *nabhas* ‘небо’, часто выступающим как первая часть составных имен и эквивалент *bhās* ‘блеск, свет’. Второй элемент скр. *ṛnā-* н. ‘долг, обязанность (в религиозном смысле)’ (MW: s.v. 2.). Третий элемент *ga-* ‘соблюдающий’, ходящий’ (MW: s.v. *ga-* 2). Получаем: ‘соблюдающий долг небес’, царское имя с идеологической программой. Согласно учению о тройном долге (*ṛnā-traya*), брамин имеет три долга или обязанности: 1) изучение Вед (*brahma-*

сагуа), долг по отношению к вещим певцам (*r̥si-*), 2) жертвоприношение и почитание богов (*devá-*), 3) продолжение рода, долг по отношению к предкам (*pitr̥-*). Как и имя Сувармахий, это имя отражает и.-е. идеологию царской власти: идеальный правитель как следующий космическому закону правды: *r̥nā-* — это обязанность, налагаемая на царя божественной справедливостью (*r̥ta-*). У древних индоарийских царей колхов эта идеология конкретизировалась в культе Солнца, что подтверждается и изображением Гелиоса на монетах Савлака. Поскольку Савлак возводил свою генеалогию к Айэту, сыну Гелиоса, греческий миф поэтическим языком передавал историческую связь колхских царей с поклонением Солнцу. Разумеется, первые христианские представители этого клана, такие как Бакурий и Набарнугий, должны были враждебно относиться к солнцепоклонничеству, которое в их время однозначно ассоциировалось с зороастризмом. Брат Бакурия Arsilios сирийской версии «Жизни Петра» — это царь Иберии Арчил из династии Хосроидов (411–435 гг.), известный своим христианским рвением и жестким искоренением зороастризма⁸.

(5) ΔΕΔΑΤΟΣ и ΑΡΣΑΝΑΣΑ в надписях Вани

К четырем обладателям «царских» индоарийских имен в Колхиде надо добавить еще одно засвидетельствованное эпиграфически. Это имя владельца именного перстня-печатки с надписью греческим алфавитом ΔΕΔΑΤΟΣ из «погребения воина» в Вани (IV в. до н. э.). Кем был этот воин, неизвестно. Отар Лордкипанидзе предположил, что после ослабления Колхидского царства Вани мог приобрести относительную самостоятельность, и Дедатос мог стать его первым правителем местного значения (Lordkipanidze 1991: 182–184).

Лордкипанидзе связал изменения в жизни Вани в это время с экспансией картвелоязычных племен Иберии. Если это так, и если Дедатос погиб в бою, то он должен был быть на стороне оборонявшихся, а не на стороне нападавших, так как его имя

⁸ Впрочем, в источниках о вероисповедании Бакурия имеются противоречия. Бакурий дружил с Ливанием, который верил, что тот почитает старых богов, а Руфин изображает его христианином. Lendering 2019 объяснил это противоречие тем, что Бакурий был человеком типа «и нашим, и вашим»: обедая с христианской семьей, он читал «Отче наш», а посещая дом язычников, приносил жертву ларам и пенатам.

индоарийского происхождения: эллинизированная форма древнеиндийского Devadatta, 'Дар бога', хорошо известный продуктивный и.-е. тип образования ЛИ: ср. греч. Θεόδοτος, слав. Богдан и т.д. Имя Девадатта было широко распространенным: так звали беспокойного двоюродного брата Гаутамы Будды, его носили царевицы, брахманы и др. (см. MW: s.v.). Девадатта называлась также боевая раковина (горн) Арджуны в «Бхагавад-гите» 1.15. Замена индоиранского окончания *-a* на *-os* обычна при греческой передаче иранских имен, этот же закон, очевидно, работал и при греческой передаче индоарийских имен. Вероятно, Δεδάτος — устная форма изначального четырехсложного имени с элидированным слогом *-va-*.

Мог ли Вани-Сурион быть древним родовым святилищем колхских царей, местом их коронации и захоронения, подобно тому, как позднее Мцхета стала сакральным местом коронации и захоронения грузинских царей вплоть до XIX века? Весомый ответ на этот вопрос скорее дадут археологи и историки Грузии и Закавказья. Если рассуждать чисто гипотетически, рассматривая возможности, но не делая окончательного вывода (пока не будет дан ответ на поставленный выше вопрос археологами и историками), то в случае положительного ответа археологов на поставленный выше вопрос, возникнет следующая трудность: главным божеством родового святилища колхских царей вряд ли могла быть богиня «Дева», Главный бог колхских царей указан на аверсе монеты Савлака — это бог солнца, индоарийское имя которого засвидетельствовано на той же монете (архаическое *Saul-) и в имени Сувармахия (Suvar-). Этот древний царский культ отражен и в мифе о первом царе династии Айэте как сыне Солнца. Проще всего разрешить эту трудность можно, признав, что отождествление святилища Вани со «святилищем Левкотеи» у Страбона неверно. Заметим, что Barrington Atlas помещает его на реке Куре, а не в долине Фасиса. Вторая возможность: допустить, что после разрушения Вани Фарнаком II, царем Боспора, главным божеством святилища вместо элитарного царского культа стало женское божество «Левкотей». Interpretatio Graeca связала Левкотею с морем, хотя вероятно, она соответствовала азиатской Великой богине-матери, в статуе которой Арриан нашел сходство с Кибелой. Заметим, что свидетельство Страбона (11.17) о «святилище Левкотеи» относится ко времени после разрушения Вани в середине I в. до н. э. Фарнаком II (49г.) и Митридатом Пергамским (47г.) (Лордкипанидзе 1991: 194; Braund 1994: 147).

Еще одно имя, возможно, индоарийского происхождения — вертикальная надпись на каменной стене при входе в городище Вани ΑΡΣΑΝΑΣΑ. Справедливо отклоняя несостоятельную попытку увидеть в ней греческую молитву (якобы ἄρασμαί) к владычице (якобы ἄνασσα), Виноградов объясняет надпись как случайное граффито — местное мужское имя Ἀρσανας, впоследствии ставшее «грузинским антропонимом Арсен». По его мнению, «это имя могло быть процарапано жрецом, привратником, солдатом на страже или кем угодно», то есть речь идет о случайном граффито на стене (Vinogradov 1997: 577). Можно согласиться с тем, что это местное имя, но Арсен — имя не грузинское, а армянское. Похожее граффито той же самой рукой процарапано на соседнем камне. Повторение имени на соседнем камне говорит против того, что это случайное «граффито на стене». Это может быть «техническая надпись» каменщика: его имя или маркировка камня, указывающая на его место назначения (оба камня рядом). Если оно связано с культом, его можно было бы истолковать как имя или эпikleзу женской богини, связанной с морем («Левкотеи» Страбона, «Фасианской богини» Арриана): ср. скр. *arśana-* ‘flowing, movable’ (MW: s.v., со ссылкой на трактат Yaska санскритского грамматика, толкователя ‘Вед’ Нирукту, IV в. до н. э.), а также название реки Ἀρσανίας в исторической Армении (приток Евфрата, область Малатии в Турции, Plut. Luc.31; другой приток Евфрата в горах Тавра Tacit. 15.15, Dio Cass. 62.21). Однако если форма индоарийского имени воспроизводится точно, то окончание *-a* может быть и мужского рода.

V. Индоарийские личные имена колхов в надписях Сев. Причерноморья Римского времени

ΜΑΖΙΣ. Надгробная стела. Корпус Боспорских надписей, (CIRB № 200). Керчь, Первая половина IV в. до н. э.

Μάζις Χόλκο «Мазис, сын Холка».

Согласно Lex. PN IV, 217 имя Μάζις больше нигде не встречается. Неясно. Но ср. др.-инд. ЛИ *majisa*, *majiraka*.

ΡΑΟΔΜΗΟΣ. IOSPE I²,132, v.7 Latyshev. Мраморная плита с посвянительной надписью архонтов. Ольвия. II в. н. э.

Ῥαόδμηος Κόλχου. «Раодмэос, сын Колха»

Др.-инд. **raud<ra>-mev-* ‘Почитающий Рудру’.

Имя встречается в форме Ῥαοδμᾱῖος в строительной надписи Inscr. Ol., № 52,8 (222–235 гг. н. э.): новая стена воздвигнута «возле (стены?) Раодмея» (παρὰ τὰ ... Ῥαοδμᾱῖου). Речь идет о том же самом лице. Форму с -η- следует предпочесть как более раннюю и более аутентичную, чем форма на -αῖος, стилизованная под привычное греческое окончание.

ΑΡΓΟΥΑΝΑΓΟΣ.

Ibid., v. 9 Ἀργουάναγος Καράξτου «Аргуанагос, сын Каракста».

Имя: ср. др.-инд. Arjunaka 'Почитающий Арджуну'. Патроним: семантика неясна, но онлайн-словарь Кельнский санскритский словарь дает 33 случая различных имен (в том числе ЛИ), начинающихся на karak-

Предположение о колхском происхождении Аргуанага основано на том, что он входит в одну четверку архонтов вместе с колхом Раодмэосом: они могли быть друзьями-соплеменниками, хотя это не обязательное условие для нашего объяснения.

В работе, посвященной носителям имени Κόλχος в греческих надписях в связи с проблемой экспорта рабов из Восточного Причерноморья (Tsetskhladze 1990: 153. 159), ошибочно утверждается, что Мазис, сын Холка в надписи (а) и Раодмэос, сын Колха в надписи (с) не являются колхами, а являются «греками», так как «Колх» в данных случаях, якобы «греческое имя» литературного происхождения. Этот неожиданный вывод основан на предлагаемом в статье радикальном пересмотре происхождения и бытования ЛИ «Колх» в греческой ономастике. К сожалению, этот новый подход основан на допущении, что этническими колхами в надписях могли быть только рабы, поэтому всех свободных автор записывает в «греки». В действительности этническим колхом мог быть кто угодно (по крайней мере в Ольвии в эпоху империи), независимо от своего социального статуса. Поэтому отвергаемый в работе внушительный консенсус сторонников традиционного подхода остается верным, как остается непоколебленным и достоверное свидетельство Страбона о том, по какому принципу греки называли своих рабов. Поскольку Раодмэос был архонтом в Ольвии во II в., заключает Цецхладзе (op. cit. 153), он был свободным, и следовательно, не мог быть колхом. Следуя этой логике, мы должны заключить, что Арриан, который был в том же веке римским губернатором Каппадокии, не мог быть греком, так как был римлянином. Несостоятельна попытка автора объяс-

нить появление ЛИ Колх в греческой ономастике популярностью мифа о золотом руне, то есть вывести его из «литературы». Несмотря на популярность Гомера, никаким греческим родителям не приходило в голову назвать сына «Троянцем». Еще невероятнее, что они могли назвать сына «колхом», представителем враждебного грекам и злокозненного племени в мифе. В сводной таблице, которую автор приводит в конце своей работы (op. cit. 159), из 13 носителей имени Колх (один раз Колха ж. р.) 10 оказываются «греками» на основании указанного сомнительного критерия, а к категории «колхидских рабов» отнесены только две вольноотпущенницы (№ 12–13) эллинистической эпохи: Εὐφροσύνη Χαίρήμονος Χολχίς из Афин и Καλλὼ τὸ γένος Κολχίδα из Дельф. Одна из них, «Ефросинья, дочь Херемона» — без всяких сомнений была гречанкой, τὸ γένος также необязательно указывает на этническую принадлежность, а может означать «откуда родом». Κολχίς в данном случае указание на страну происхождения, указанную в бирке на невольничьем рынке. Они могли быть захвачены пиратами или во время войн в греческих городах Восточного Причерноморья и проданы в рабство. Напротив, большинство из 10 «неколхов» согласно таблице Цецхладзе, хотя и имевших имя «Колх», скорее всего либо были этническими колхами, либо имели предка по прозвищу «Колх», превратившемся в передаваемое потомкам имя, либо, как в случае с вазописцем Колхом в Афинах VI в. до н. э., могли быть метеками, прибывшими из Восточного или Юго-Восточного Причерноморья. «Литературный» характер этого имени следует исключить.

ΡΑΜΑΝΑΓΟΣ. IOlbia 88, 6. Посвятительная надпись архонтов Ахиллу Понтарху. Третья четверть II в., согласно Карышковскому, не позднее 150 г., согласно Книпович. LGPN IV, 298 цитирует только эту надпись.

Ραμαναγος Μηνοδώρου 'Раманагос, сын Менодора'.

Кельнский санскритский цифровой словарь (Cologne SDL) онлайн дает 44 имени, содержащих начальный комплекс *ramana-*, включая ЛИ, в том числе божеств и знаменитостей (Рамануджа). Скорее теофорное имя, связанное с богом Рама, чем просто 'милый, приятный'. Рама — инкарнация Шивы, с которым, возможно, связано следующее имя Σίαυος.

ΣΙΑΥΟΣ, ΣΙΑΥΑΚΟΣ. Ольвия II–III вв. IOlbia 52,3; IOSPE I², 103, 3–4 Строительная надпись архонтов (ремонт стены).

Σίαυος Ἀργουανάγου ‘Сиавос, сын Аргуанага.’

Засвидетельствованы три варианта этого имени с основой Σιαυ-: Σιαύασκ[ις] (Танаис 244 г., CIRB, 1287, 20); Σιαύακος (CIRB, 1242,18; 228 г.; ib. 1279,18) и Σιαύανσις (Танаис 228 г., CIRB 1282, 25). Чтение Σιαύασκ[ις] (Латышев, принято в CIRB) нам кажется странным, лучше читать Σιαύασκ[ος], тогда это будет гибридная греко-варварская уменьшительная форма ‘Сиавушка’. Индоарийское теофорное имя, связанное с именем бога Шивы: др.-инд. *Śiva*. Из четырех греческих вариантов ближе всего к индоарийскому прототипу второй: Σιαύακος. *Śiva* + суффикс -ka-, означающий принадлежность, в данном случае с коннотацией приверженности, почитания и т. д., как и в именах Σαυλάκης ‘Почитающий Солнце’ Σαύμακος ‘Почитающий Сому’. Ср. др.-инд. ЛИ *Sivāku* (MW: 1076).

В строке 8 в этой же ольвийской надписи, упоминается стена (?) Раодмея, по всей вероятности, идентичного с Раодмеем из IOSPE I², 132 (см. выше). Кажется вероятным, хотя и не строго доказанным, что вся четверка Раодмей, Аргуанаг, Раманаг и Сиав, служившая архонтами Ольвии в конце II–начале III в., была связана не только профессиональными, но и этническими, а также родственными узами и составляла этническую колхскую «группу влияния» в политической жизни Ольвии. Было бы очень интересно узнать, говорили ли они дома по-колхски, и читали ли они дома на досуге, освободившись от архонтских обязанностей, Махабхарату и Рамаяну? Или они знали древнеиндийские имена только из устной семейной традиции? У нас нет источников, чтобы ответить на этот вопрос.

ΣΩΜΑΧΟΣ и ΣΑΝΑΓΟΣ

Имя Σώμαχος, согласно LGPN IV, 322 встречается 5 раз в надписях Ольвии II–III вв., и один раз в Херсонесе Таврическом.

IOSPE I², 128,7 Σώμαχος Σανάγου (агораном, 2 век); IOSPE I², 107,4 Σώμαχος Ἄττα (стратег); IOlbia 83,9 Χαράξηνος Σωμάχου (стратег), 3 век; etc.

Теофорный индоарийский антропоним с именем бога Сомы: др.-инд. *sōta-*, *sōtaka-* мужское ЛИ в RV, Br (KEWA: 505) В более раннем (на 300+ лет) варианте греческой передачи этого теофорного имени мы имеем Σαύμακος (см. выше). У отца Сомаха Санага также имя индоарийского происхождения: ср. скр. *Sānaga-*, ‘имя учителя’ в Майтри-Самхите.

Н. Казанский (per litt.) указал на возможность понять имя это как греческое: Σω- < Σαό-μαχος ‘Невредимо сражающийся’. Но оно встречается только в надписях 2–3 веков в Ольвии (5 раз) и Херсонеса (1 раз), LGPN IV, 322. Этим доказывается его варварское происхождение, подкрепленное варварским патронимом Санагос.

ΚΑΜΑΣΑΡΙΑ. Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада I (4 век до н. э.): Κομοσαρίη CIRB 1015;

Камасария вифинская царица: Καμασαρία CIG, 2855, 29; Камасария Филотекна (II в. до н. э.): CIRB 75. О ней см.: Vinogradov 1987, Rusyaeva 2002, Ivanchik 2017. Эпитафия ее мужа Аргота: Makarov I. 2017. IOSPE³ III: Inscriptions of Chersonesus and vicinity // <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index.html>

Справедливо отклоняя иранскую этимологию Абаева, основанную на сравнении с осет. gom-saer ‘с непокрытой головой’, Трубачев (Indoarica: 245) предложил объяснение из индоарийского **kama-sar-* ‘любимая женщина’, от др.-инд. ‘любое желание, любовь’ + *śrī-/s(a)r-* ‘женщина’. Определение первого компонента композита вполне убедительно: цифровая версия санскритского словаря MW дает 298 именных форм с первым компонентом *kama-*, среди них десятки ЛИ, включая имена царственных особ и божественных существ. Для царицы Камасарии такое имя подходит намного больше, чем «с непокрытой головой». Но определение второго компонента вызывает сомнения: «любимая женщина» – скорее апеллатив, чем индивидуальное ЛИ. Мы предлагаем этимологию от *kama-* ‘любовь’ + *sāra-* 4 (MW) ‘cream or heart or essential part of anything, best part, quintessence’ = ‘chiefly consisting of or depending on’ + суффикс -ya. Не исключено, что имя **Kamasarya* ‘Та, чья сущность – любовь’ теофорное, то есть Камасария – земное воплощение Камы и небесной красоты. Индоарийская этимология также согласуется с гипотезой о том, что Камасария была синдской принцессой.

Каково происхождение Ольвийских колхов (носителей индоарийских имен) II–III вв. н. э.? Были ли они переселенцами из области Меотиды и Боспорского царства, то есть, происходили ли они от синдмеотских колхов-индоарийцев или же были переселенцами из Юго-Восточного Причерноморья, «Колхиды» как области проживания колхов?

Проблеме варварских имен в поздней ономастике Ольвии посвящены работы Русяевой, Виноградова, Тохтасьева, Подо-

синова, Иванчика, Крапивинной и других и исследователей. Преобладает точка зрения о преимущественно иранском, а именно сарматском происхождении этих имен, подробно аргументированная в работе Тохтасьева, который считает иранскими некоторые из приведенных выше имен. Мы не можем углубляться в анализ этой сложной проблемы, но ограничимся тем, что укажем на одно недооцененное эпиграфическое свидетельство о происхождении этой этнической группы, которое подтверждает нашу основную гипотезу. При этом мы не утверждаем, что все эти имена идоарийские и не отрицаем, что часть из них может быть иранскими. А. Русяева объясняет наплыв носителей варварских имен с высоким социальным статусом в надписях Ольвии так: «небольшая группа богатой военной элиты была включена в гражданский коллектив с целью усиления обороноспособности и экономического потенциала» (Rusyaeva 1999: 444). Это объяснение выглядит в целом правдоподобно, но Тохтасьев справедливо возражает против мнения Русяевой о том, что это могло произойти только после ольвийской речи Диона (Tokhtasiev 2013: 581) и определяет как *terminus ante quem* середину первого века. Действительно, трудно представить себе, что едва получив гражданство во втором веке, эти люди сразу стали занимать должности архонтов и стратегов. Должно было пройти время для их ассимиляции, для того, чтобы они доказали свою эффективность и приобрели авторитет. Мы идем даже дальше Тохтасьева и допускаем, что для полной ассимиляции, признания заслуг и даже образования семейных «династий», которое мы наблюдаем в надписях, потребовалось несколько поколений. Такое предположение могло бы показаться смелым, если бы оно не опиралось на надежные эпиграфические свидетельства. Эти тексты были хорошо известны, многократно обсуждались в другой связи, но не привлекались для обсуждения интересующей нас сейчас проблемы. Речь идет об ольвийском почетном декрете в честь губернатора Амисоса IOSPE I², 35, который М. И. Ростовцев датировал 64-ым годом до н. э., а Виноградов (1989: 252–255), следуя Жебелеву, связал с рубежом II–I вв. до н. э., то есть временем потрясений при переходе власти на Боспоре и в Ольвии к Митридату VI Евпатору и Диофантовых войн. Среди заслуг губернатора Амисоса перед Ольвийским полисом упоминается то, что он обеспечил за свой счет доставку снабжения и, возможно подмоги-подкрепления (βοήθειαν, дополнение Латышева) ранее передислоцированным или раскваритрованным в округе Ольвии («наших местах») Арме-

ниям (6-8 χορήγια βασιλικὰ τοῖς μεθηδρασμένοις ὑπὸ τοῦ βασιλέως Μιθραδάτου Εὐπάτορος Ἀρμενίοις κομίσαι πλέων κτλ.). Виноградов в своем комментарии к этому декрету сделал ряд тонких наблюдений, отметив, что «Ἀρμένιοι — уроженцы Малой Армении, то есть организованный по национальному принципу контингент профессиональных воинов типа критских лучников, беотийской конницы, фракийских пелтастов и т. п.» (ib. 255). Убедительно также следующее замечание Виноградова: «армянские лучники были преимущественно гиппотоксотами, почему их и ввели в действие против наседавших на Ольвию варваров-номадов, таких же конников» (ibid.). Но Виноградов несколько преувеличил мобильность этих отрядов в данном случае: редкий глагол μεθεδράζω (нет ни в LSJ, ни в полном корпусе TLG online) означает здесь не передислокацию на временную новую позицию, а расквартирование на постоянной армейской базе (ἔδρα), речь идет о постоянном военном гарнизоне, периодически получающем снабжение и подкрепление для восполнения потерь из центра (Амисоса, где находилась резиденция Митридата). Виноградов указал также на дополнительное эпиграфическое свидетельство, найденное в Херсонесе надгробие со стихотворной эпитафией, из которой мы узнаем имя командира одной из таких частей лучников в Таврике (Vinogradov 1989: 154, прим. 113). Теперь оно издано с комментарием А. Макаровым (Makarov 2005).

Ἀρμενί[ω]ν τοξοτῶν θυρεαφόρον ἄγεμονεῖα // Αἰχμωνα Ζαρείου παῖδα κέκευθε τάφη. «Щитоносного командира Армянских лучников // Айхмона, сына Зарея, скрывает (эта) могила». Макаров правильно отклонил синтаксически невозможное чтение Виноградова ἄγεμονεῖαι и объяснил диалектную форму ἄγεμονεῖα как асс. sing. ἄγεμονῆα от ἡγεμονεύς, эпического варианта metri gratia вместо обычного ἡγεμών. От следующих строк остались фрагменты: в них говорилось об обстоятельствах смерти Айхмона — он погиб «не от болезни» (οὐ νόσῳ), называлось имя похоронившего его Ἰρδης Μάειος, в последней строке читается Παλακικόν π[. Следует отклонить попытку Э. И. Соломоник увидеть в Παλακικόν топоним (НЭПХ). На верном пути был Виноградов, дополнявший π[όλεμον. Дело в том, что суффикс -ικός не типичен для топонимов, но обычен в названиях войн: Τρωικὸς πόλεμος, Δωρικὸς πόλεμος (Thuc.), Γαλατικὸς, Παρθικὸς πόλεμος (Plut.), список можно продолжать. Во всех случаях суффикс -ικός присоединяется к имени врага — города, народа или царя, *против которого* велась война, ср. у

Плутарха (Tit. Flam. 9.10) τὸν Φιλίππικὸν ὁ Ἀντιοχικὸς κατελήφει πόλεμος «после войны с Филиппом настала война с Антиохом». У Фукидида «Дорийская война» — это война против дорийцев с точки зрения афинян. Именно так, как «войну против Палака», с точки зрения херсонеситов и «арменийских лучников», надо понимать Παλακικὸν π[όλεμον в эпиграмме. После упоминания об обстоятельствах гибели говорилось и в какой военной кампании, когда погиб (τεθναότα) воин. При долгой альфе в слоге πα- слова Παλακικὸν π[όλεμον оказываются метрически правильным и стилистически эффектным окончанием пентаметра, завершавшего эпитафию: «...в битве с Палаком погиб». «Не от болезни» — моралистический топос в прославлении павших на поле боя, подчеркивавший величие принесенной ими жертвы: они умерли молодыми в расцвете сил, а не в старости от болезней: ср. у Гераклита фр. 104 Leb./B 136 ψυχαὶ ἀρῆϊφάτοι καθαρώτεραι ἢ ἐνὶ νοῦσοις «души погибших в бою чище тех, что скончались в болезнях». Как и в случае с поздней ономастикой Ольвийских надписей мы имеем смешанное греко-варварское имя: греческое Αἴχμων ‘Копейщик’ и варварский патроним Ζαρεῖος. Αἴχμων засвидетельствовано 16 раз в Анатолии (Кария, Ликия, LGPN VB, 15) только 1 раз в Фессалии (LGPN V, 14). Патроним Ζαρεῖος выглядит как этникон от топонима на Ζαρ-. Нам удалось найти в греко-римских источниках только один топоним, от которого мог быть образован такой этникон: Ζαга в Малой Армении, в Понтийских горах, которые назывались Παρυάδρης (см. индоарийскую этимологию выше), в регионе западнее Трапезунда, где согласно Ксенофону обитали «колхи». Через городок Ζαга протекает река Галис (Кызылырмак) в верхнем течении, по которой возможен сплав в устье Галиса западнее Амисоса (Самсуна). Этот топоним засвидетельствован в римских Itineraria (см. PWRE, Zweite Reihe, Bd. IX, 2314, 49) и в византийском *Chronicon Paschale*, p. 731 Dindorf τὸ ὄρος τοῦ Ζᾶρα. Ближайший античный город — Никополis, был основан Помпеем в 63 г. до н. э. и назван в память о победе над Митридатом VI в 66 г., также известен как Никополь Армянский. Помпей наделил здесь землями ветеранов. После присоединения к Римской империи при Нероне (64 г. н. э.) Никополь стал метрополией Малой Армении, в которой выбирался «армениарх». Из этих же мест происходил и похоронивший Айхмона его боевой товарищ с патронимом Μάειος. Имя Μάης — анатолийское, помимо Кари и Киликии (3 раза) чаще всего встречается в южном Причерноморье:

Мисия (2), Вифиния (1) и особенно Синопа и Амисос (5), LGPN VA, 276, а также Каппадокия и Понт (4 включая Μαῖα, LGPN, VC, 255–56). На основании такого происхождения командира «арменийских лучников» Айхмона, сына Зарея и его однополчанина, сына Маэя, можно заключить, что из этого региона происходила какая-то часть «уроженцев Армении» (Ἀρμένιοι), составлявшие воинский контингент гарнизона, расквартированного в окрестностях Ольвии на рубеже II–I вв. (прóтеров в ольвийском декрете) и впоследствии получившего подкрепление, доставленное в штормовую погоду в Ольвию губернатором Амисоса, сыном Филократа. Даже если из Зары происходили только эти двое, весьма вероятно, что остальные происходили из других деревень и городов Малой Армении. Поскольку целый ряд имен военных и других чиновников в поздних надписях Ольвии II–III вв. объясняется лучше на основе индоарийских, нежели на основе иранских этимологий, можно заключить, что эта группа ольвиополитов с варварскими именами могла состоять из потомков воинов гарнизона I в. до н. э., переселенных Митридатом из Малой Армении и получивших со временем ольвийское гражданство за свои заслуги в обороне города. Интересно, что два исторических колха царских кровей на рубеже IV–V вв., Бакурий и Сувармахий (о них см. выше), также командовали отрядами именно конных лучников, то есть гиппотоксотов, составлявших стражу Римского императора. О Сувармахии Евнапий сообщает, что он был «чистым колхом», из числа тех, что живут «за Фасисом и Фермодонтом». «За Фермодонтом» находятся Понтийские горы и Малая Армения. Показанный Тохтасьевым параллелизм между списком варварских имен в поздней ономастике Ольвии и Боспора надо объяснять не локальными взаимовлияниями, а происхождением из общего источника в Малой Армении. В таком случае можно заключить, что во время Диофантовых войн в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре были дислоцированы понтийские гарнизоны Митридата, укомплектованные «арменийцами» из одного и того же региона Малой Азии.

Следует различать два источника индоарийских имен в Северном Причерноморье: исконные местные имена, связанные с древним индоарийским языком синдмеотских племен, с одной стороны, и «новую волну», принесенную военными переселенцами эпохи Диофантовых войн, с другой. Большинство индоарийских варварских имен и в надписях II–III веков, вероятно,

относятся ко второй группе. К первой группе принадлежит, среди прочих, имя двух боспорских цариц Камасария.

VI. Этноязыковая принадлежность древних колхов

Как известно, этноязыковая принадлежность правителей в древних (и не только) обществах не обязательно совпадала с этноязыковой принадлежностью подвластного им народа. В государстве Митанни правящая элита была индоарийской по языку и происхождению, тогда как языком народа был хурритский. Аналогичная картина наблюдается в случае со скандинавскими варягами на славянской Руси. Ни один царь античной Иберии не носил кавказского (картвелоязычного) имени, и заключать по их иранским именам об этнической принадлежности иберов было бы серьезной ошибкой. Однако во многих других случаях правящая элита отличалась от народа только социальным статусом, но не языком или этнической принадлежностью. Важным «маркером» второго случая является богатая топонимика и гидронимика, указывающая на «укорененность» данного этноса на территории страны. Индоарийский язык Северного Причерноморья, Меотиды и Кубани, реконструированный Трубачевым, явно был языком основного этноса этого региона. Индоарийская топонимика Восточного и Юго-восточного Причерноморья, пусть не такая изобильная, как на Севере, все-таки достаточна для того, чтобы сделать вывод: носителями индоарийского языка в этом регионе была не только правящая элита, но целый этнос. Этот этнос был индоарийским не только по языку, но и по антропологическому типу, описанному Геродотом и Гиппократом (колхи «черные» и «кудрявые»). Жителей Индии греки точно так же описывали как μέλανες. Об укорененности этого этноса в этом ареале говорит и многовековая сохранность индоарийских имен вплоть до эпохи поздней античности. Однако можно усомниться в том, что этот этнос оставался доминантным в Западной Грузии в эпоху Римской империи. В первые века н. э. Колхида становится Лазикой, эта смена названия страны скорее всего указывает на смену доминирующего этноса: на смену индоарийским колхам в качестве доминирующего этноса приходят картвелоязычные племена лазов. Разумеется, речь не идет о полном исчезновении колхов, как доказывает существование родовой колхской аристократии еще в IV и V вв. (Сувармахий и Набарнугий), а о превращении их в этническое меньшинство в

кارتвелоязычной среде. Возможно, изменения в этноязыковой карте Колхиды, или скажем осторожнее, начало этого процесса были вызваны отделением Колхиды от Рима и поглощением ее Иберией в царствование Фарсмана II Доблестного из династии Фарнавазидов ок. 130 г. Идет ли речь о крупномасштабной миграции племен или о постепенной ассимиляции древнего индоарийского этноса и «растворении» его в картвелоязычной среде, могут показать только дальнейшие исторические и палеогенетические исследования. Утрате этнокультурной и языковой идентичности индоарийских колхов (как и других малых этнических групп) могла способствовать также интенсивная христианизация Иберии в IV–V вв. Принимая имя Петра при пострижении в схиму, колхский принц Набарнугий отрекался от своих «языческих» колхских корней, от своего колхского имени и от религии своих предков. Точно так же его друг Митридат, принимая в то же самое время христианское имя Иоанн, отрекался от зороастризма и от своих иранских корней.

Список сокращений

- CIRB — Струве В. (отв. ред.). 1965: *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Корпус Боспорских надписей* (КБН), Л.
- EWA — Mayrhofer, M. 1992–1996: *Etymologisches Woerterbuch des Altdoiranischen*. Heidelberg,
- Indoarica — Трубачев, О. Н. 1999: *Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция языка. Этимологический словарь*. М.
- IOlbiae — Книпович Т. (ред.). 1968: *Надписи Ольвии*, Л.
- IOSPE — Latyshev V. 1916: *Corpus Inscriptionum Oris Septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoloi.
- KEWA — Mayrhofer, M. 1956: *Kurzgafesstes Etymologisches Woerterbus des Alatindischen*. Heedelber,
- Koeln DSL — Cologne Digital Sanskrit Lexicon (from Monier-Williams' *Sanskrit-English Dictionary*) = <https://www.sanskrit-lexicon.uni-koeln.de/scans/MWScan/tamil/>
- LGPN IV — Frazer P. & Mtthews E. (edd.), *Lexicon of Greek Personal Names, vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea*, Oxford, 2005.
- M.W. — Monier-Williams, M. 1960 (1899): *A Sanskrit-English Dictionary*, Oxford.

Библиография

- Balahvancev, A. S 2010: [«Alan Bakur» from ancient Iberia]. *Rossiiskaia arheologiya [Russian archeology]* 4, 130–135.

- Балахванцев, А. С. 2010. «Алан Бакур» из Древней Иберии. *Российская археология* 4, 130–135.
- Balahvancev, A. S. 2009: [Reconstructing the history of ancient Colchis in the second half of the VII-th century BC]. In: *Antiquity: historical knowledge and the specifics of the sources*. Issue IV. Moscow, 21–23.
- Балахванцев, А. С. 2009: К реконструкции истории древней Колхиды во второй половине VII в. до н.э. В сб.: *Древность: историческое знание и специфика источника*. Вып. IV. М., 21–23.
- Blažek V. 2008: All Indo-European “smiths”. Балто-славянские исследования XVIII (Сборник памяти В. Н. Топорова) [*Balto-Slavian Studies* 18]. М., 369–447.
- Braund, D. 1994: Georgia, Oxford.
- Bremmer J. 2008: Greek religion and culture, the. Bible and Ancient Near East, chapter 15: The myth of the Golden Fleece, Leiden, 303–338.
- Buklagina, I. 2018. [The Diophantus decree in the light of skytho-bosporan relations]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 22, 258–266.
- Буклагина, И. 2018: Декрет в честь Диофанта в свете скифо-боспорских отношений. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – XXI, Ч. I. С. 258–266.
- Chernyh, E. N. 2015: [Caucasus in the system of interactions of cultures of steppe stock-breeders and sedentary agriculturalists of the South]. In: *Kavkaz kak svyazuiushee zveno mezhdu Vostochnoi Evropoi i perednim Vostokom* [Caucasus as a link between Eastern Europe and Near East]. SPb., 70–74.
- Черных, Е. Н. 2015: Кавказ в системе взаимодействий культур степных скотоводов севера и оседлых земледельцев юга (эпоха раннего металла). В кн.: Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и передним Востоком: диалог культур, культура диалога (К 140-летию Александра Миллера). Материалы научной археологической конференции и Гумбольдт-лектория. СПб., 70–74.
- Chernyh, E. N. 2009: *Stepnoi poyas Evrazii. Fenomen kochevykh kul'tur* [The steppe zone of Eurasia. The phenomenon of nomadic cultures]. Moscow.
- Черных, Е. Н. 2009: *Степной пояс Евразии. Феномен кочевых культур*. М.
- Choref, M. 2018: [The coins minted in Bosporus and Chersonesus with Helios on the averse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* 5, 75–82.
- Чореф М. 2018. Монеты Боспорского и Херсонесского чекана с изображением Гелиоса на аверсе как источник исторической информации. *Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского*. Т. 5. С. 75–82.
- Coścun, A. 2019: Phasian confusion. Notes on Colchian, Armenian and Pontic river names in myth, history and geography. *Phasis* 21–22, 73–118.

- Coşcun, A. 2020: (Re-)locating Greek and Roman cities along the Northern Coast of Kolchis. Part II. Following Arrian's Peiplos from Phasis to Sebastopolis *VDI*, 80/3, 654–674.
- Dan, A. 2016: The rivers called Phasis. *Ancient West and East* 15, 245–277.
- Doumas, C. 1991: What did the Argonauts seek on Colchis? *Hermathena* 150, 31–41.
- Dundua, G. et al. 2013: The so called Saulaces coins, III type. Online English-Georgian catalogue of Georgian numismatics.
- Emanuel J. 2012. Cretan Lie and Historical Truth: Examining Odysseus' Raid on Egypt in Its Late Bronze Age Context. In: *A virtual birthday gift presented to Gregory Nagy on turning seventy by his students, colleagues and friends, Harvard Center for Hellenic Studies*, 1–41.
- Erb-Satullo N., Gilmour B., Khakhutaishvili N. 2014: Late Bronze Age and Early Iron Age copper smelting technology in the South Caucasus: the view from ancient Colchis 1500–600 BC. *Journal of Archeological Science* 49, 147–159.
- Erb-Satullo, N., Gilmour, J. J., Khakhutaishvili, N. 2020: The metal behind the myths: iron metallurgy in the South-Eastern Black Sea region. *Antiquity*, 1019.
- Gamkrelidze, G. 2012: *Researches in Iberia-Colchology*. Tbilisi.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. 1995: *Indo-European and the Indo-Europeans*. Berlin.
- Gavrilov, A. K. 1977: ΜΗΤΡΑΛΟΙΑΣ. *Philologia Classica* 1. Leningrad, 30–36. Гаврилов. А. К. 1977: ΜΗΤΡΑΛΟΙΑΣ. *Philologia Classica* 1. Л., 1977, 30–36.
- Gavrilov, A. K. 1992: [The Skythians of Savmacus: a revolt or an external aggression?]. In: Gavrilov, A. K. (ed.) *Etudy po antichnoi istorii i kul'ture Severnogo Prichernomoria*. St. Petersburg, 53–73. Гаврилов, А. К. 1992: Скифы Савмака – восстание или вторжение? (ИР. I. 352–Syll. 709). В сб.: Гаврилов, А. К. (отв. ред.). 1992: *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб, 53–73.
- Gavrilov, A. V., Shonov, I. V. 2007: [A coin of Saulaces from the fortification Kuru Bash near Theodosia]. In: *14th All-Russia numismatic conference*. St. Petersburg. Гаврилов, А. В., Шонов, И. В. 2007: Монета Савлака с укрепления Куру Баш близ Феодосии. In: *XIV Всероссийская нумизматическая конференция*. СПб., 31–33.
- Hewitt, G. 2013: *The Abkhazians: A Handbook*. Routledge.
- Hodkinson, St. 2009: *Sparta: Comparative approaches*. Swansea.
- Horn, C. (ed.) 2008: *John Rufus: The Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem, and the Monk Romanus*. Atlanta.
- Ivanchik, A. 1999. Antichnaia tradiciia o faraone Sesotrise [Ancient tradition about pharaoh Sesostris]. *VDI* 4, 4–36.

- Иванчик, А. И. 1999: Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами. *ВДИ* 4, 4–36.
- Ivanchik, A. 2017: [The Crimean Skythia in the III–II centuries BC.]. In: Ivanchik, A., Mordvinceva, B. (eds.). [Krymskaia Skifiia in the system of cultural relations between East and West]. Simferopol', 34–55.
- Иванчик, А. И. 2017: Крымская Скифия III–II вв. до н.э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья. В сб.: Иванчик А. и Мордвинцева В. (ред.). *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом*. Симферополь, 34–55.
- Ivancik, A. 2005: *Nakanune kolonizacii*. [Before colonization] Moscow; Berlin.
- Иванчик, А. И. 2005: Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII веков в античной литературной традиции. Москва; Берлин.
- Ivanov, Vyach. Vs. 1983: *Istoriia slavianskih i balkanskih nazvanii metallov* [History of Slavic and Balcanic metal names]. Moscow.
- Иванов, Вяч. Вс. 1983: *История славянских и балканских названий металлов*, М.
- Ivanov, Vyach. Vs. 2008: *Trudy po etimologii indoevropskikh i peredneaziarskih iazykov* [Studies in etymology of Indo-European and Near-Eastern languages]. Moscow.
- Иванов, Вяч. Вс. 2008: *Труды по этимологии индоевропейских и переднеазиатских языков*. М.
- Karpiuk, S., Kulishova, V. 2018: Akademik S. A. Zhebelev, Posledniie gody. [The Academician S. Zhebelev. His last years]. *VDI* 78 (1), 88–112.
- Карпюк С., Кулишова В. 2018. Академик С. А. Жебелев, последние годы. *ВДИ* 78 (1), 88–112.
- Kazansky, N. N. 2011: [The sociolinguistic situation in the Bosporan kingdom]. In: *Bosposrskii fenomen* [Bosporan Phenomenon]. St. Petersburg, 665–672.
- Казанский, Н. 2011. Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств. В сб.: *Боспорский феномен*. СПб., 665–672.
- Kitazumi T. 2013: Zum Problem der Gleichung heth. Hayasa- = armen. hayk'. *Zeitschrift der Deutschen Morgenlaendischen Gesselschaft* Bd. 116/2. S. 511–517.
- Ladynin, I. 2012: [The Stelae of Sesotris. A topos of ancient historiography and ancient Egyptian realia] *VDI*, 3–15.
- Ладынин, И. 2012. «Стелы Сесостриса» Топос античной историографии и древнеегипетские реалии // *ВДИ*. С. 3–15.
- Lee, J. 2007: *A Greek Army on the March. Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis*. Cambridge UP.
- Lendering, J. 2019: *Bacurius*. <https://www.livius.org/articles/person/bacurius>

- Leonardos, I. 2010: Λεονάρδος Ι., Ο Αργοναυτικός μύθος και το εμπόριο μετάλλων στη Μεσόγειο. *ΟΡΥΚΤΟΣ ΠΛΟΥΤΟΣ. Mineral Wealth* 158/2010, 19–26.
- Lordkipanidze, O. 1996: La geste des argonautes dans les premieres epopees grecques. *Sur les traces des Argonutes. Actes du 6e symposium de Vani* (22–29 septembre 1990), 21–45.
- Lordkipanidze, O. 2000: *Phasis. The River and City in Colchis*. Stuttgart.
- Lordkipanidze, O. 2001: The Golden Fleece: Myth, euhemeristic explanation and archeology. *Oxford Journal of Archeology* 20(1) 1–38.
- Lordkipanidze, O. 1991: Vani: An Ancient City in Colchis. *GRBS*, 151–95.
- Makarov, A. I. 2005: [An epitaphy of a commander of Armenian archers from Chersonesus]. In: *Hersonesskii sbornik* 14. Sevastopol', 239–248.
- Макаров, А. И. 2005: Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического. В сб.: Херсонесский сборник, вып. XIV. Севастополь, 239–248.
- Mamuladze, Sh., Khalvashi, M., Kakhidze, E. 2005: Apsarus in the first half of the 1st Millennium BC. *Pont-Euxin et polis: polis hellenis et polis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23–26 septembre 2002: Hommage à Otar Lordkipanidzé et Pierre Lévêque*. Besançon : Institut des Sciences et Techniques de l'Antiquité, 271–276.
- Marciak, V. 2017: *Sophene, Gordyene, Adiabene*. Leiden.
- Molev, E. 2010: *Bosporskii gorod Kitei [Bosporan city of Kytaiion]*. Simferopol'; Kerch'.
- Молев: Е. А. 2010. *Боспорский город Китей*. Симферополь; Керчь.
- Morkot, R. G. 2007: War and economy: the international 'arms trade' in the Late Bronze Age and after. In: Th. Schneider and K. Szpakowska (edd.). *Egyptian stories* (Alan B. Lloyd Festschrift). Muenster, 169–196.
- Petrosyan A. 2018: Aryan traces in the onomastics of Hayasa. *Iran and the Caucasus* 22, 177–180
- Petrosyan, A. 2016: [The myth of Argonauts: Indoeuropean parallels and history]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie n klasicheskaia filologiia [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 20 (2), 861–878.
- Петросян, А. 2016: Миф об Аргонавтах: индоевропейские параллели и история. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20 (2), 861–878.
- Petrsoyan, A. 2014: *Armenovedcheskiie issledovaniia [Armenian studies]*. Erevan.
- Петросян А. 2014: *Арменоведческие исследования*. Ереван.
- Piankov, I. V. 2002: Galizony – Haliby – Moshi. [The Halyzons, Chalybes and Moschians]. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniia Rossiiskogo Arhtologicheskogo obschestva*. SPb, 324–342.
- Пьянков, И. В. 2002: Гализоны – Халибы – Мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II – I тысячелетия

- до н. э.). В сб.: *Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества*. СПб., 324–342.
- Podosinov A. 2000: Origin-Legends of the Greek Colonisation of the Northern Black Sea Littoral: Historical Tradition and / or Literary Fiction. In: S. Solovyov (ed.). *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC*, 102–104.
- Rayfield, D. 2013: *Edge of Empires. A History of Georgia*. London.
- Rostovtzeff, M. 1941: *The Social & Economic History of the Hellenistic World*. Oxford.
- Rubinson, Z. 1980: Saumakos: Ancient History, Modern Politics. *Hosyproa* 29, H.1, 50–70.
- Rusyaeva, A. 1999: [The population of Olbia]. In: Kryzhitskii S. et al. *Olviia*. Kiev, 442–466.
- Русяева, А. 1999. Население Ольвии. В кн.: С. Д. Крыжицкий, А. С. Русяева, В. В. Крапивина, Н. А. Лейпунская, М. В. Скржинская, В. А. Анохин. *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*, Киев, 442–466.
- Rusyaeva, A. 2002. Bosporskaia tsaritsa Kamasariia [The queen of Bosphorus Kamasaria] in: *Bosporskie issledovaniia II [Bosporan Studies II]*, Simferopol', 109–124.
- Русяева А. 2002. Боспорская царица Камасария. *Боспорские исследования II*. Симферополь, 109–124.
- Silverman, D. 2003: *Ancient Egypt*. Oxford.
- Shaposhnikov, A. K. 2008: [The earliest onomastics of the Tauride Peninsula]. *Voprosy onomastiki* 6, 18–36.
- Шапошников, А. К. 2008: Древнейшая ономастика Таврического полуострова. *Вопросы ономастики* 6, 18–36.
- Svanidze, A. A. 2014: *Vikingi liudi sagi: zhizn' i nrayu [Vikings, people of saga: their life and customs]*. Moscow.
- Сванидзе, А. А. 2014: *Викинги люди саги: жизнь и нравы*. М.
- Talbert R. (ed.) 2000: *Barrington Atlas of the Greek and Roman World*. Princeton.
- Tohtasiiev, S. 2013: [Iranian names in the Inscriptions of Olbia of I–III centuries]. In: Tohtasiiev, S., Lurie, P. (eds.). *Commentationes Iranicae*. SPb., 565–607.
- Тохтасьев, С. 2013: Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. В кн.: *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица* под ред. С. Тохтасьева и П. Лурье, СПб, 565–607.
- Tohtasiiev, S. 2017: [Barbarian tribes, the neighbors of the Greek cities of Bosphorus]. *Scripta antiqua* 6, 135–279.
- Тохтасьев, С. 2017: Варварские племена, соседи греческих городов Боспора. *Scripta antiqua* 6, 135–279.
- Toumanoff, C. 1963: *Studies in Christian Caucasian History*. Washington.
- Toumanoff, C. 1969: Chronology of the early kings of Iberia. *Traditio* 25, 1–33.

- Trubachev, O. N. 1999: *Indoarica v Severnom Prichernomorie* [*Indoarica in the Northern Black Sea region*]. Moscow. Трубачев, О. Н. 1999: *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.: Наука.
- Tsetskhladze, G. 1990: Zu den kolkhischev Sklaven in der greichischen Welt. *Klio* 72, 151–159.
- Tsetskhladze, G. 1995: Did the Greeks go to Colchis for metals? *Oxford Journal of Archeology* 14 (3), 307–331.
- Tsetskhladze, G. 2020: [The “Colchis, rich in gold”: myth, reality and archeological research]. *Arheologicheskie vesti* 29, 207–214.
- Цецхладзе, Г. Р. 2020: «Богатая золотом» Колхида «Аргонавтики»: миф, реальность и современные исследования. *Археологические вести* 29, 207–214.
- Vinogradov, J. G. 1987: Votivnaia nadpis’ docheri tsaria Skilura iz Pantikapeia i problemy istorii Skifii i Bospora vo 2 veke n. e. [A dedicatory inscription of the daughter of the king Scylurus from Panticapaeum and problems of the history of Scythia and Bosporus in the 2nd century AD] // *VDI*, № 1, 55–87.
- Виноградов Ю.Г. 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II до н.э. // *ВДИ* 1987, №1, 55–87. –
- Vinogradov, J. G. 1989: *Politicheskaiia istoriia Ol’viiskogo polisa* [*The political history of Olbia polis*], Moscow.
- Виноградов, Ю. Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса*, М.
- Vinogradov, J. A. 2017: [The elite of Bosporus at the time of Mithridates and later.]. In: Zin’ko, V. N. (ed.) *Elita Bospora Kimmeriiskogo* [The elite of Bosporus]. Kerch, 261–287.
- Виноградов, Ю. А. 2017: Элита Боспора в митридатовское и пост-митридатовское время. В сб.: Зинько В. Н. (ред.). *Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*. Керчь, 261–287.
- West, M. 2007: *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford.
- Witczak, K. 2000: Mycenaean term for ‘iron (*pa-ra-ku) and its I.-E. origin. *DO-SO-MO* 1, 53–63.
- Woodhuizen, F. 2012: The saga of the Argonauts: reflex of Thraco-Phrygian maritime encroachment on the Southern Pontic littoral. In: Tsetskhladze G. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity*. Oxford, 263–271.
- Woods, D. 1996: Subarmachius, Bacurius and the Schola Scuttariorum Sagittariorum. *Classical Philology*. 91, issue 4, 365–371.